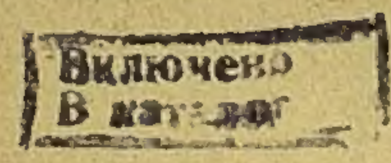
А. Андреев
А. Коробов

Падение Берлина

Молодая гвардия
1945


Включено
В каталог

Капитан А. АНДРЕЕВ
Капитан Л. КОРОБОВ

Падение Берлина

*Записки
военных корреспондентов
«Комсомольской правды»*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1945

СОДЕРЖАНИЕ

Подготовил к печати Ю. ЖУКОВ.

Снимки И. ШАГИНА, Г. КАПУСТЯНСКОГО и В. МАСЛЕННИКОВА.

Редактор *С. Морозов.* *Техред. М. Кутузова.*

Подписано к печати 12|VII 1915 г. А20470. 5¹/₄ печ. л
Уч.-изд. л. 5. 38 000 зн. в печ. л. Тираж 30 000.
Цена 3 руб. Зак. 1053

Набрано ф-кой юн. кн. изд-ва ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия"
Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 46. Отпечатано с готового
набора в тип. „Красное знамя". Москва, Сущевская, 21.
Заказ 1814

ПРЕДИСЛОВИЕ

Победоносным Берлинским сражением завершена Великая Отечественная война советского народа против гитлеровской Германии.

Борьба на германской территории продолжалась несколько месяцев. Тяжело поражаемая с востока и запада, с юга и севера, гитлеровская империя трещала и разваливалась на части. Однако вплоть до того дня, когда советские войска ворвались в Берлин и принудили его гарнизон к капитуляции, гитлеровское царство еще продолжало проявлять признаки жизни. Где-то в бетонных норах, в глубочайших и крепчайших подземельях таились его создатели. Они еще произносили речи, призывали, заклинали, угрожали. Судьба Германии уже была решена. Но зверь еще дышал. Никто не мог покончить с ним, кроме тех, кто переломил ему хребет и отбросил его на край могилы. Только Красная Армия и могла выполнить роль могильщика фашизма.

2 мая 1945 года столица Германии лежала у ног советских воинов. Эта весть мгновенно облетела весь мир. Это величественное событие навсегда останется в летописях подвигов и славы советского народа. Историческая директива товарища Сталина: «Довершить вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы» — была выполнена Красной Армией с доблестью и славой.

Третий раз на протяжении менее двух веков по улицам Берлина прошли русские воины-победители. Взятие столицы Пруссии русскими войсками в 1760 году увенчало победу русского оружия над «непобедимыми» войсками потсдамского «фрица»—Фридриха II. Спустя 53 года русские войска, уничтожив «великую армию» Наполеона, перешли через Неман, Вислу и Одер и наголову разбили тогдашних пруссаков, союзников Наполеона. Берлин вторично был занят русскими полками. В мае 1945 года, в результате невиданного разгрома немецко-фашистской армии, наши войска снова овладели Берлином, теперь уже не только столицей разбойничьей Пруссии, но политическим и военным центром, столицей гитлеровской грабительской империи.

Как ни велики сами по себе и как ни славны и памятны победы русских войск, одержанные 185 лет и 132 года назад, они все-таки не могли приобрести того мирового значения, которое имеет одержанная ныне победа. Пруссия времен Фридриха II и Фридриха-Вильгельма III не была даже ведущим европейским государством. Уже позднее, в эпоху Бисмарка, в итоге нескольких грабительских войн против своих соседей она возвысилась до ранга европейской державы.

Гитлеровская Германия претендовала на мировое господство. Она развязала мировую войну, тщательно подготовив ее. Шайка отъявленных негодяев, которая правила Германией в течение двенадцати лет, не брезговала никакими средствами: ни наглым обманом, ни изощренным коварством, ни подлостями, ни преступлениями, чтобы наилучшим образом, полно и всесторонне выполнить повеления своих властелинов — немецких промышленных и финансовых королей. Гитлера и его шайку призвали в час самого глубокого кризиса, поразившего Германию; они должны были найти выход из него любой ценой и любым путем. Им было дозволено все: жечь и опустошать континент, истреблять одни народы, другие — заковать в цепи рабства, предать огню и мечу самые старые культурные страны Европы.

Фашистская тирания воплотила в себе все наиболее гнусные черты бранденбургско-прусской деспотии и развила их до чудовищных размеров. И Берлин — столица гитлеровской Германии — также впитал в себя всю грязь и мерзость, накопившиеся в Пруссии — Германии на протяжении веков. С самого своего возникновения как столи-

цы бранденбургско-прусских князей, а затем королей, Берлин не переставал быть средоточием всех «истинно-немецких», «истинно-прусских» разбойничьих нравов и традиций.

И вполне естественно, так сказать, в порядке «прусской закономерности», что, когда раздробленная на десятки княжеств и государств Германия была объединена и увенчана прусской каской, Берлину предстояло стать столицей германского империализма, наиболее агрессивного, жадного и алчного. Бронированным кулаком он дважды на протяжении последних трех десятилетий пытался проложить себе путь к мировому господству.

Город разросся. Рядом с казармами, арсеналами и гауптвахтами возникли мрачные корпуса гигантских заводов. За истекшие семьдесят с лишним лет после франко-прусской войны Берлин превратился в военно-промышленную и финансовую столицу Германии. На пространстве почти в 90 тысяч гектаров расположился этот колоссальный военно-промышленный комбинат. Более полутора десятков железных дорог связывали его со всей Германией и Европой. Его окраины и даже городские районы, непосредственно прилегающие к центру, были густо застроены предприятиями. А в самом центре, вокруг рейхстага, вокруг дворцов Гогенцоллернов, по соседству с генеральным штабом, военным министерством и другими правительственными учреждениями расположились биржа и банки, эти цитадели германского монополистического капитала: Рейхсбанк, Дейчебанк, Дрезднербанк, Дисконто-гезельшафт и другие, связанные друг с другом невидимыми нитями. Вот это и была та династия, которая правила Германией, создала Гитлера, вспоила и вскормила германский фашизм.

Из четырех с половиной миллионов жителей Берлина около миллиона было занято производством оружия и боеприпасов. Немецких рабочих гитлеровская армия поглотила почти целиком, и Берлин стал одним из самых крупных центров немецкого рабовладения. В столицу гитлеровской Германии были согнаны на каторгу сотни тысяч иностранных рабочих. Уже по одному этому Берлин вполне заслужил, чтобы его считали самым чудовищным невольничьим рынком в центре Европы.

В этом городе и раньше, а в особенности со времени прихода Гитлера к власти, всегда плелись кровавые интриги против других европейских народов. Здесь составлялись

заговоры против мира. Вильгельмштрассе, где рядом расположились «имперская канцелярия» Гитлера, министерство иностранных дел Риббентропа, штаб международного шпионажа Розенберга и другие бесчисленные шпионские и диверсионные гнезда, в течение всех этих лет представляла собой не просто улицу — это было подлинное логово фашистских гиен. Отсюда на весь мир двенадцать лет распространялась людоедская проповедь человеконенавистничества, звериного расизма, идеология разбоя и грабительства. Берлин вполне заслуженно стал самым ненавистным городом во всем мире.

Но пришел его час. Разрушены его военно-промышленные цитадели. Рассыпались в прах резиденции финансовых магнатов и фашистских властителей.

Берлин пал вместе с кровавой империей Гитлера. Таков финал гигантской борьбы, навязанной Гитлером Советскому Союзу, Европе, всему миру.

Шестнадцать дней Красная Армия вела битву за Берлин. О масштабах ее, о сложнейших задачах, которые пришлось решать советскому командованию, подготовляя и проводя эту операцию, позволяют судить слова Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, сказанные им на пресс-конференции советских и иностранных корреспондентов, состоявшейся в начале июня в Берлине:

— Сражение за Берлин было решающим. Мы провели к нему очень серьезную подготовку. К этому сражению, явившемуся заключительным, мы подтянули достаточно средств и операцию рассчитали наверняка. Мы сосредоточили для этой операции столько средств техники — авиации, танков, артиллерии, чтобы в кратчайший срок сломить сопротивление противника и быстро овладеть самим Берлином. Операция была подготовлена во всех деталях очень тщательно. Особое внимание было обращено на взаимодействие всех родов войск. Немцы ожидали наш удар. Поэтому, предполагая, что они ожидают наш удар именно на Берлинском направлении, мы очень долго думали над тем, как бы организовать его внезапно для противника. Для того чтобы преподнести немцам внезапность в крупном масштабе, я, как командующий, выбрал способ внезапной атаки ночью всем фронтом. Прежде всего нами была проведена ночная артиллерийская подготовка, чего, по показаниям пленных, немцы не ожидали. Они предполагали, что мы, возможно, будем действовать ночью, но не

думали, что это будет главная атака. Вслед за артиллерийской подготовкой нами была проведена ночная танковая атака. В эту атаку нами было брошено более четырех тысяч танков при поддержке двадцати двух тысяч стволов артиллерии и минометов. С воздуха удар сопровождался четырьмя — пятью тысячами самолетов, начавшими действовать еще ночью. Авиация шла над полем боя волнами. Ночью прошла тысяча бомбардировщиков, остальное количество — утром и днем. В течение суток было проведено свыше пятнадцати тысяч самолето-вылетов. Чтобы помочь танкам в ориентировке ночью, мы применили никем не проводившуюся до сих пор ночную подсветку прожекторами.

Это было около четырех часов в ночь на 20 апреля. Применением этой новинки мы имели в виду не только подсветить нашим танкам и пехотинцам, но и ослепить противника, чтобы он не мог вести точный, прицельный огонь.

— Сколько было прожекторов? — был задан вопрос маршалу.

— Более двухсот.

— По какому фронту?

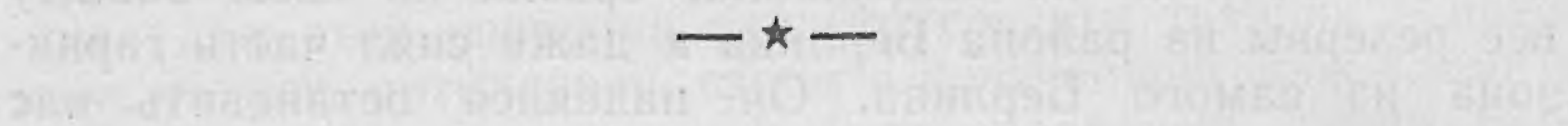
— Через каждые двести метров на направлениях главных ударов. Следует учесть, что главные удары были нанесены с разных направлений. Как мы и рассчитали, атака наша оказалась для противника неожиданной, ошеломляющей. Немцы не ожидали такого мощного удара, и сопротивление было быстро сломлено. Противник, видя, что его оборона не выдержала, бросил на свою защиту все резервы из района Берлина и даже снял часть гарнизона из самого Берлина. Он надеялся остановить нас резервами, снятыми с обороны Берлина, — и в этом был его большой просчет. Подходящие резервы врага были во встречных сражениях разбиты с воздуха и нашими танками. Когда советские войска прорвались к Берлину, оборона города была в ряде мест оголена. В частности, была оголена зенитная оборона противника, что дало возможность нашей авиации работать на низких высотах. Ослабив выводом войск из района Берлина свою заранее подготовленную и расписанную оборону, противник не смог выдержать нашего удара. У немцев в берлинской операции участвовало более полумиллиона войск. Из них свыше 300 тысяч нами было взято в плен, не менее 150 тысяч

было убито, а остальные разбежались. Мы считаем, что берлинская операция прошла достаточно удачно (смех, оживление среди присутствующих) как по темпам, так и по своей поучительности. Из этого сражения наши войска сделали для себя много выводов, приобрели богатый опыт в ведении ночных операций.

Основательное и подробное описание исторической битвы за Берлин — дело будущего.

Книга «Падение Берлина» не претендует на сколько-нибудь полное освещение событий исторических дней. Авторы ее, военные корреспонденты «Комсомольской правды» капитан А. Андреев и капитан Л. Коробов, находясь при войсках 1-го Белорусского фронта, вели подневные записи своих наблюдений. Из этих записей и корреспонденций и составилась книга. В ней кратко, порой бегло описаны отдельные детали битвы, отдельные эпизоды и события, свидетелями которых являлись авторы, прошедшие с частями фронта весь путь от Одера до Берлина. Но даже столь беглые записи позволят читателю создать определенное представление о героическом подвиге Красной Армии, сокрушившей последний оплот гитлеровской Германии и водрузившей над Берлином знамя победы.

И. ЕРМАШЕВ



I. Все дороги ведут в Берлин

14 апреля

Существует старинное изречение: «Все дороги ведут в Рим». Его можно перефразировать: сейчас все дороги ведут в Берлин, — это ясно каждому. На перекрестках всех военных дорог стоят столбы, на столбах дощечки с надписью: «На Берлин».

Люди знают, чувствуют: только повергнув этот город, пройдя через него, можно будет увидеть звезду мира. Много лет слово «Берлин» не сходит с наших уст: в каменной утробе этого города долго и тяжело бродили темные силы зла и насилия; наконец они выплеснулись.

Мы помним: немецкая бронированная машина вторглась в Чехословакию и душила ее; немцы ринулись на Балканы, шли по побережью Египта, они жадно хватали земли чужого мира. Их корабли бороздили дальние воды, бросали якоря у суровых скал скандинавских берегов, и солдаты, задрав подбородки, взламывали прикладами двери норвежских хижин. Одна за другой погасли звезды государств: Прага, Варшава, Париж, Белград. Немцы сеяли с воздуха огонь и смерть в городах Англии. Наконец, немецкие бронированные машины поползли по равнинам Украины, по большакам Смоленщины. Несметные немецкие полчища подошли к Ленинграду, с трех сторон обложили Москву, рвались к Волге и горам Кавказа.

Теперь, когда мы стоим на Одере, даже не верится, что когда-то немцы доходили до Москвы или Сталинграда.

От Москвы начался наш путь на Берлин.

Сейчас в Москве ночи с фантастической россыпью огней салютов. Но мы помним, когда в Москве ночи были другие: над крышами улиц висели вражеские ракеты, обливая их зеленовато-мертвенным светом. Дети прижимались к матерям в бомбоубежищах, бомбы со свистом падали на жилые кварталы, стекла со звоном сыпались на тротуары...

От Москвы, от Сталинграда немцы покатились назад: их трупы заметала вьюга, сожженные танки стояли громадным омертвелым скопищем. Роли переменились, переменились направления: все потекло к Берлину.

Народы восхищаются подвигами Красной Армии. Женщины Польши, Чехословакии, Австрии встречают наших воинов цветами, дети тянутся к ним на руки, внимательно заглядывают в добрые глаза рязанца или сибиряка, осторожно трогают стальные каски, ордена и медали.

Мы проехали дальний путь от Дуная до Одера, пересекли не одну страну. Мы видели людей всех возрастов, всех сословий, всех национальностей. На их лицах еще лежит отпечаток пережитых дней, но уже сделан первый вздох облегчения. Повсюду, где прошла Красная Армия, она оставила за собой животворящий дух вольности и созидания. В Югославии на зеленеющие поля уже вышел заботливый сеятель; венгры очищают города от разрушений, готовят почву под виноградники. Со снежных Карпатских хребтов с шумом спускаются в долины стремительные ручьи, тысячезвонное эхо артиллерийских залпов раскатывается по горам, — чехословаки вместе с Красной Армией освобождают свою страну, штурмуют немецкие укрепления. Тысячи польских тружеников расчищают площади Варшавы — на месте разрушенной столицы Польши будет наново построен прекрасный город.

По земле шагает весна, весна облегчения, весна созидания, большая весна человечества. В синем поднебесье уже звучит песня победы. Победители делают последний переход, и в пути им помогают все — чем могут и как могут.



На перекрестке военных дорог.

Пересекая Чехословакию, нам пришлось преодолеть большой перевал в Карпатах. Внизу было тепло и сухо. Но стоило только подняться вверх, как закружилась метель. Дорогу замело. Машина жалобно выла и буксовала, потом она завязла окончательно и остановилась. Наступал вечер, пурга не унималась, дороги не было видно. Увязая в снегу, мимо нас прошел крестьянин-чех; он зябко поводил плечами. Остановившись около нас, чех закурил. Осуждая погоду, он покачал головой и осведомился, куда мы едем. Мы сказали, что пробираемся к Берлину. Он сейчас же ушел, и через некоторое время из ближней деревни пришли человек пятнадцать мужчин. Они попробовали толкать машину, но снег был очень глубокий, и ее невозможно было стронуть с места. Тогда один из них вернулся опять в поселок, привел две пары быков, машину подцепили и приволокли в деревню, занесенную снегом до самых крыш. Со всей деревни сошлись мужчины; они не расходились до поздней ночи, расспрашивали о положении на фронтах, о России, о ходе войны. Они были

готовы отдать все, что имеют, лишь бы Красная Армия скорее вошла в Берлин.

В той же деревне мы наблюдали встречу чехословацкого солдата с русским. Ночная вьюга случайно свела их в одной хате. Они сидели у горящей печки и, покуривая, тихо беседовали. Ярослав Досек, солдат чехословацкой бригады генерала Свободы, воевал в районе Харькова и освобождал родное местечко Степана Назаренко, гвардии старшего сержанта. Может быть, среди женщин, вышедших встречать освободителей, Ярослав Досек видел заплаканные глаза жены Степана? Старший сержант Назаренко со своей частью в составе 4-го Украинского фронта дрался где-то около тех мест, где стоит городок Досека. Они были растроганы этим необычайным совпадением, в котором приблизительное принималось за точное, и дружески похлопывали друг друга по плечу. Потом они расстелили на полу солому, по-солдатски просто уснули на одной постели, а утром, расходясь в разные стороны, пожали руки и полушутливо, полусерьезно пообещали: «В Берлине встретимся».

Разные дороги, цель одна: Берлин. У каждого человека, идущего этими дорогами, — свое горе, свой личный счет солдата, гражданина, семьянина. Немцы были в Югославии. Их нашествие оставило здесь тот же след, что и повсюду, — страшный след саранчи. И сербский винодел Михаил Родач, большой добрый человек, никогда больше не увидит своего сада: сад изуродован снарядами, вырублен, вырван с корнями и не оденется никогда белым весенним цветом. И его сестренка Ирмя, черноглазая тоненькая девушка, не споет ему песню, — ее убили немцы.

Польский поручик Вацлав Костецкий не в силах забыть трагедии Варшавы. В его воображении встают мертвые кварталы улиц, которые похожи на раскопки древнего города, а на месте его дома зияет черная яма, которая, кажется, поглотила и дом и людей, живших в нем. Брату чехословацкого воина Секеш немцы переломали пальцы за то, что он не пожелал уйти вместе с ними и скрывался в лесу.

Гвардии сержант Иван Борщ, преподаватель украинского языка в селе Белки на Сумщине, попал в плен к немцам. Пленных впрягли в телегу и возили на них мусор на свалку. В руках у часового, помимо автомата, был



До Берлина — один переход!

кнут. Кнут свистел над головами пленников и обжигал спины, плечи. Борщ и его друзья бежали. Их поймали. Каждого шестого расстреляли. Остальных посадили за проволоку. На вышках дежурили солдаты с пулеметами. Иногда со скуки они стреляли в пленных. Борщ видел, как гибли его товарищи. Вместе с другими он сделал подкоп под проволоку и бежал к партизанам...

Гвардии младший сержант Борис Богданюк до войны жил в деревне Ольшаны Сосницкого района Черниговской области. Он жил с отцом, матерью и сестрой Викторией.

Немцы нахлынули внезапно. Начались облавы на молодых женщин, на девушек, — их отправляли в Германию. Викторию увели, но она бежала и несколько дней скрывалась с подругами. Немцы искали беглянок с собаками и нашли их в яме за деревней. Борис видел, как по улице вели сестру. Платье ее было изорвано в клочья, по искусанным ногам текла кровь. Сестра плакала. Их собрали всех: они стояли под осенним дождем в одних кофточках, а затем медленно побрели по грязи в Германию на каторгу и пели тягучую прощальную песню. Эта песня до сих пор звучит в ушах Бориса Богданюка.

— Я пришел за сестрой, — говорит он. — Я найду ее.

Все ждут конца Берлина.

С запада навстречу нам идут англичане, американцы, французы. Одни помнят Дюнкерк и Париж, другие Ковентри и Лондон. Встреча близка.

В час окончательного поражения врага победителям будет о чем вспомнить.

Мы будем славить тех, кто завоевал победу, но мы назовем имена и тех, кому не удалось войти с нами в Берлин и произнести слово «победа».

Наш друг комбат Прокофий Терехов был смертельно ранен на Днепре. Умирая, он приказал своим бойцам дойти до Берлина. Они поклялись, что дойдут. Он им верил. У него в груди было пылкое сердце двадцатидвухлетнего юноши, а на плечах умная голова зрелого командира. Если бы вражья пуля не оборвала его жизнь на самом взлете, кем стал бы в будущем майор Прокофий Терехов? Философом или строителем, инженером или генералом? А сколько таких людей ушло от нас безвозвратно, сколько у дорог выросло холмиков с красными столбиками и звездами на них!

Путь в Берлин дался нам нелегко. Он потребовал много сил и отнял много молодых, цветущих жизней. Четыре года вырваны у молодости и отданы жестокой борьбе. Мы испытали все. Мы отреклись на время от всего мирного. Вместо того чтобы гулять по полям и слушать звон кос, востримых на рассвете, боец на животе полз в расположение противника, накидывал веревку немцу на шею и вел его к командиру части. Вместо того чтобы яркой осенью собирать зрелые, вкусные плоды или в теплой комнате в кругу друзей читать стихи, он мок под пролив-

ным дождем, он брел, оступаясь в ямы, по дорогам, ведущим на запад; он штурмовал города. Вместо карнавалов с хороводами, цветами, он видел вспышки орудийных залпов. Вместо теплой ласковой руки любимой, он сжимал холодную сталь пистолета.

Бывают эпохи медленные, тихие: они начинаются одним поколением, подхватываются и продолжаются другим, заканчиваются третьим. Нашему поколению было суждено пережить иную эпоху — стремительную и шумную. Эпоха Отечественной войны длится всего четыре года, но она вместила в себе столько переживаний и усилий, огня и ярости, столько народного гнева и горя, столько человеческих трагедий, встреч и разлук, что всего этого, — будь то мирное время, — хватило бы на целое столетие! Но наше поколение не согнулось под этим грузом. Мы идем единой стеной, и наш великий вождь и Верховный Главнокомандующий идет во главе нас. Все, что не видно нам, видно ему, ведущему нас к победе и славе.

II. Исходный рубеж

15 апреля

В январе Красная Армия начала свое историческое наступление. На протяжении 1 200 километров по всему фронту от Балтики до Карпат она обрушила на врага небывалый по силе удар. Наши войска вторглись в Восточную Пруссию и Померанию, форсировали Одер и заняли большую территорию в Силезии, они освобождают земли Чехословакии.

Севернее Франкфурта на Одере войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Г. К. Жукова достигли Одера 5 февраля. Через несколько недель, 12 марта, после упорных боев мы овладели крепостью Кюстрин, прикрывавшей подступы к Берлину. Войска фронта очищали затем восточный берег реки от оставшихся там гарнизонов противника и севернее вышли к Балтийскому побережью.

Сводки Совинформбюро сообщали о новых и новых победах советского оружия на других фронтах. 30 марта пал Гданьск (Данциг); 4 апреля войска 2-го Украинского фронта заняли главный город Словакии — Братиславу;

9 апреля под ударами войск 3-го Белорусского фронта пал Кенигсберг; 13 апреля войска 3-го Украинского фронта овладели столицей Австрии — Веной

Несколько последних дней в сводках Совинформбюро ничего не сообщалось о действиях центральной группы войск. Здесь, на главном — Берлинском, направлении нашего удара, велась напряженнейшая подготовка к новым, решающим боям.

Немцы создали здесь мощную систему обороны. Ими воздвигнуты многочисленные линии противотанковых и противопехотных препятствий, сооружена специальная гидросистема для затопления местности на многие километры перед укреплениями. За Одером тянутся Зееловские высоты, господствующие над местностью. Наконец, сама река Одер в весеннее половодье служит трудно одолимой преградой. Одер надо было форсировать во что бы то ни стало, надо было занять на западном берегу хотя бы небольшой плацдарм для наступления. Это был трудный подвиг. И он свершен. Мы — на западном берегу немецкой реки.

Всё и все живут сейчас предчувствием близких событий, которые решат исход войны. Никто не говорит и никто не скажет, когда грянет первый выстрел новой битвы, которая, судя по всему, будет последней в этой войне. Но достаточно оглянуться по сторонам, достаточно увидеть несметные скопления боевой техники, переброшенной на крохотные плацдармы, завоеванные недавно за Одером, достаточно вглядеться в суровые солдатские лица, озаренные каким-то особенным, теплым светом, чтобы понять: развязка близка.

До начала этой последней битвы остались, быть может, считанные часы. Люди знают, что впереди, на подступах к Берлину, нас ждут еще тысячи ловушек и западней, что придется пробивать еще десятки оборонительных линий, лить пот и кровь, терять друзей. Но сознание того, что это будет действительно последний бой и что позади неизмеримо больший путь, дает солдату спокойствие и уверенность. В эти часы в окопах много говорят о пережитом. Чаще всего вспоминают самое близкое по времени, то, как был завоеван вот этот самый клочок земли за Одером, исходный рубеж завтрашнего решительного наступления.

Здесь начал бой за переправу через Одер батальон,

которым командует Герой Советского Союза майор Ремизов.

Перед бойцами, которые вырвались вперед, лежала река, а за ней была видна высокая гряда холмов. Остановившись на берегу, майор крикнул своим бойцам:

— Солдаты! Впереди Берлин. Перешагнем!

И бойцы начали поспешно спускаться вниз, к воде. Они садились в лодки и отталкивались от берега. Река разлилась, огромные синие льдины двигались по воде сплошной лавой. Бойцы торопливо гребли к западному берегу. Лодки ныряли между льдин. Некоторые не успевали проскакивать. Деревянные шлюпки, как тисками, сжимались огромными ледяными глыбами и с хрустом ломались. Люди выскакивали на лед. Немцы видели переправляющихся. Минометы хлестали по воде, с глухим треском разлетались льдины, вверх взмывали фонтаны воды и ледяного крошева. Но бойцы знали: кто оттолкнулся от одного берега, тот или пробьется к другому или погибнет. Это закон переправ, и бойцы перебирались, как могли.

Уже переправился первый взвод, второй. Уже одна рота была за Одером. Уже на помощь к батальону Ремизова спешила артиллерия. В это время к переправе из леса вырвались немецкие танки. Они ревели и ломали деревья, они намеревались отрезать и уничтожить батальон. На дороге в это время оказался старший сержант Ахметшин со своим орудием. Он считал танки: один, два, три, четыре... Его пушку заметили. Башня первого танка повернулась в его сторону. Наводчик орудия сержант Булат помог командиру развернуть пушку. Начался поединок. Прибрежный лес звенел. Верхушки деревьев срезались снарядами и с шумом падали вниз. Ветер уносил дым и запах пороха.

Артиллеристы подожгли один танк, разворотили башню другому, третьему проломили бок. Четвертый не выдержал, развернулся и ушел в лес. Тогда Ахметшин подкатил свою пушку к реке, сколотил плот и спустил орудие на воду.

— Поплыл, — кричал он пехотинцам. — Держитесь, солдаты, Ахметшин идет!

И солдаты держались. А бой разгорался все жарче, немцы непрерывно контратаковали. Они были пьяны и лезли в штыки. Их расстреливали в упор.

Но вот контратаки прекратились, и на горсточку смельчаков обрушился шквал огня страшной силы. Он бушевал долго и настойчиво. Бойцов засыпало землей. Они припадали к корням толстых деревьев. И все-таки жили под огнем. К вечеру на западный берег реки перебрался весь батальон майора Ремизова и прибыл артиллерийский дивизион майора Давыдова.

Батальон поднялся в атаку, выбил немцев из траншей и захватил бугор.

Озверев, немцы пошли на последнюю крайность: «Не удалось смести русских огнем, попытаемся смыть их водой!» Несколькими километрами выше по течению стояла гидроэлектростанция, питавшая энергией весь район. Громадная бетонная плотина сдерживала воду, и водохранилище представляло собой большое, глубокое озеро. Ночью немцы взорвали плотину. Водяной вал с ревом стремительно покатился вниз, затопляя берега.

Бойцы услышали в темноте грохот приближающейся бушующей воды. Бурный поток хлынул со стремительной силой. Вода сбивала людей с ног. О стволы деревьев со звоном ударялись льдины. Люди падали и снова подымались. Пушки затопило. Бойцы лезли на деревья или по грудь в воде, с трудом двигались к пригорку. Они не выпускали из рук оружия. Минометы и рации они держали на плечах. Вокруг вода, ледяная, жгучая, пробирающая до костей, а над головой — кромешная темнота...

К утру вода спала. Немцы, уверенные в том, что всех русских смыло водой, не пригибаясь, не маскируясь, двинулись к берегу реки. Они не видели среди деревьев никого, не знали, что бойцы залезли на деревья и оставались там до утра. Немцы узнали об этом только тогда, когда по ним открыли огонь из всех видов уцелевшего оружия.

Восемь раз немцы переходили в контратаки. Николай Фунин, сидя на передовом наблюдательном пункте, корректировал огонь батарей. Он вырыл себе блиндаж у развороченного корневища дерева, завалил его сучьями, а сверху землей. Наблюдатель находился в нескольких метрах от немцев, и они, конечно, заметили его. Немцы открыли огонь из минометов. Осколки, рассыпаясь, врезывались в дерево. Фунин продолжал корректировать. Немцы окружили его со всех сторон. Кольцо сжималось. Он видел лица врагов, стрелял из автомата, убил 18 человек.

Кончились патроны, Фунин в последний раз скомандовал на батарею: «Вокруг меня немцы. Давайте огонь на меня!» Загрохотали вокруг разрывы.

Немцы были сметены огнем. Они откатились назад, и батальон майора Ремизова, преследуя их, продвинулся еще на сотню метров. Николая Фунина вытащили из-под земли, из-под обломков. Он был жив. Старший сержант артиллерист Ахметшин, похлопав его по плечу, спросил:

— Скажи, знакомый, как работает наша артиллерия?

— Чего спрашиваешь? Сам, наверное, палил без передышки? — улыбнулся Фунин.

Ахметшин засмеялся:

— Правда, палил, железо плавил. Что ж, друг. Знать, судьба нам с тобой приказала быть в Берлине...

Это была минута передышки, и друзья поговорили так, будто не виделись несколько лет.

Бывают на фронте случаи, когда иные десятки километров с охотой сменил бы на десять метров именно в этом месте, которое неоценимо сейчас. Таким местом явился господский двор «Клейсин», на западном берегу Одера. Он стоял на горе; от него во все стороны были видны подходы, подъезды, переправы наших войск. Он стоял совсем близко, буквально в нескольких шагах, а подойти к нему не было никакой возможности. Этот двор был построен больше сотни лет назад, но и тогда немцы жили войной и приспособили все здания к военным целям. Толстые каменные стены, узкие окна и — самое главное — бетонированный подвал с бойницами, в которых были установлены пулеметы. Это была маленькая крепость.

Хозяином двора был капитан в отставке Ксюгер. Немецкое командование выделило в его распоряжение солдат и приказало ему оборонять свой дом, предупредив: «За отступление — расстрел». И немцы сопротивлялись с отчаянием обреченных. Артиллерия разбила до основания весь дом. Крыши, стены, потолки обрушились, прикрыв собой подвал, и немцы, сидящие в нем, оставались неуязвимы. Дом был окружен, но по ночам над ним кружились транспортные самолеты. На парашютах немцы сбрасывали окруженным патроны, воду, шоколад, хлеб. Площадь двора была мала, некоторые парашюты ветер относил в нашу сторону, и по утрам бойцы видели висящие на деревьях и лежащие на земле цветные полотнища.

Было решено взорвать звериную нору. Саперы сделали подкоп, подложили тол и взорвали главное здание.

Еще не успели рассеяться дым и пыль, как бойцы ворвались в господский двор капитана в отставке Кюгера. Более 300 немцев находилось здесь. Многие были перебиты, остальные сдались в плен.

Вот этим клочкам земли, завоеванным за Одером, и суждено было стать исходным рубежом нашего последнего наступления...

Сейчас, когда дописываются эти строки, здесь, на плацдарме за Одером, командиры читают приказ маршала Жукова о наступлении. Приказ гласит:

«Боевые друзья! Товарищ Сталин от имени Родины и всего советского народа приказал войскам нашего фронта разбить противника на ближних подступах к Берлину, захватить столицу фашистской Германии — Берлин — и водрузить над нею знамя победы. Кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми войти в него. Я призываю вас выполнить эту задачу с присущей вам воинской доблестью, честью и славой. С именем Сталина — вперед, на Берлин!»

Свершилось... На переднем крае с волнением ждут рассвета, который озарит новой славой наше оружие.

III. Прорыв

20 апреля

Перед рассветом 16 апреля по всей линии фронта царила необычайная тишина. Ни одного выстрела, ни одного лишнего движения, никакой суеты, — все заранее было измерено, установлено, уточнено.

Молчаливое ожидание. Лишь изредка слышался смех, какой-нибудь неутомимый весельчак бросал крылатую фразу, и ее подхватывали товарищи.

Бойцы лежали, тесно прижавшись друг к другу, и глядели в темноту перед собой, — там впереди угадывались немецкие укрепления, а за ними Берлин. Величие цели делало предстоящее сражение особенно значительным. Казалось, какая-то незримая нить неразрывно, накрепко связала всех: пехотинцев и артиллеристов, танкистов и

саперов, связистов и минометчиков. Было такое впечатление, будто каждый глубоко вздохнул и задержал дыхание, боясь нарушить безмолвие. Эта торжественная тишина отражала тот необычайный подъем, который определяет дух армии, способной и на испытания, и на подвиги, и на победу.

Ночь была темная, безлунная, с ясными звездами. Предутренний холодок пробирался под шинели, вызывая бодрящую дрожь. Тысячи глаз офицеров нетерпеливо смотрели на циферблаты часов, ждали. Артиллеристы встали у орудий, саперы дорезали последние нити колючей проволоки в проходах, пехотинцы лежали с пулеметами, гранатами и автоматами. Они тоже ждали.

И вот началось! Как передать ощущение человека в ту минуту, когда ночная тишина в одно мгновение разрывается на тысячи клочьев, и все заполняется хаосом звуков? Кажется, будто земля раскололась пополам и в эту громадную щель из недр земли с невероятным ревом и грохотом вырвалось пламя. Орудия — большие и малые, поставленные колесо к колесу, — беспрерывно извергают снопы пламени, и кажется, что сам воздух вокруг делается красным, накаленным. Так продолжается час.

Там, на вражьей земле, дождем падают снаряды, авиабомбы, краснохвостые мины «Катюш». Видно, как брызжет, плещется пламя, взлетает вверх красное крошево земли, перемешанное с огнем. И вот уже поднимается пехота.

О том, как идут в наступление, как прорывают вражескую оборону, уже написано много и в газетах, и в книгах, и нового ничего не скажешь, да и не нужны громкие слова. Нужно запечатлеть, сохранить для истории только факты.

Пусть вспомнят наши дети и дети наших детей, как артиллериста старшего лейтенанта Чистякова взрывом засыпало землей и только была видна одна голова; но этот человек даже не отнял трубку от уха, даже не попытался выбраться из-под земли, а продолжал командовать на батарею: «Огонь! Огонь!»

Пусть вспомнят они, как пехотинцы, шедшие на Берлин, захватили рывком первую траншею, потом вторую, потом третью, потом по болотам, по низине, через целую сеть каналов, наполненных водой, устремились к высотам, по которым проходил основной укрепленный рубеж немцев.

Пусть вспомнят они, как маленький белобрысый боец с веснущатым лицом, по фамилии Ковалев, вместе со своей ротой ворвался в разбитое немецкое селение, первым подлетел к дому, пустил в окно гранату и, ворвавшись внутрь, скомандовал немцам: «Хальт», и захватил их в плен, а потом, собрав немецких солдат со всей деревни, повел их в тыл.

Ковалев покрикивал на них на немецком языке. Когда мы спросили его, откуда он знает этот язык, то оказалось, что этот двадцатилетний парень был угнан немцами в Германию на каторгу, батрачил в хозяйстве у немецкого кулака, испытал много горьких дней, потом был освобожден Красной Армией и вступил в ее ряды. Теперь Ковалев покрикивал на немцев так же, как когда-то они кричали на него. «Я на них работал, пусть и они на меня поработают», сказал он и погнал дальше на восток оборванную, грязную толпу защитников Берлина.

Наш натиск все развивался. Люди шли медленно, но верно вперед, беря каждый поселок с боем, вышибая немцев из одного дома за другим. Фронт наступления ширился и углублялся. С каждым часом путь к Берлину становился все короче, и сознание этого окрыляло бойцов и офицеров.

В подвале одного из домов расположился штаб полка.

Командир полка, молодой спокойный человек в короткой накинутой на плечи куртке, опушенной белым мехом, стоял у телефонного аппарата и что-то кричал в трубку, обращаясь к капитану Баченкову, командиру батальона. В это время немцы били по дому. Осколки отбивали углы окна; валились кирпичи. Обломки залетали в подвал. Медленно втягивался в окно дым.

Кто-то у двери крикнул, кто-то протяжно застонал. Люди в подвале прижались к стенам, притихли. Дом гудел и качался от глухих ударов. Но командир полка продолжал командовать боем. Только тогда, когда где-то на линии оборвался провод, он спокойно передал трубку связному и приказал, чтобы провод исправили.

Этот полк первым вырвался вперед за Одер. Батальон капитана Баченкова зацепился за крайние домики города Зеелова, западнее Кюстрина, перевалил через линию железной дороги, захватил станцию и врезался в самую гущу немцев.

О том, как ожесточенно сопротивлялся враг, можно



Через Одер.

судить по следу, который оставил за собой полк: гладкое асфальтированное шоссе испещрено воронками от снарядов и мин; машины медленно объезжают их. Справа и слева от шоссе — черная, закопченная земля. С каждого клочка немцев пришлось выжигать огнем! Поля изрезаны полосами от гусениц танков и самоходных пушек. Деревья повалены. А те, что устояли, остались без ветвей, даже без сучьев, и стволы их расщеплены, будто поражены молнией.

Каменные дома в деревнях без углов, без крыш, с проломленными стенами. Кирпичи осыпались на дорогу, машины истолкли их колесами в красный порошок, и над дорогой, не оседая, висит густая рыжая пыль. Повсюду громоздятся подбитые и сожженные танки, самоходные орудия, полевые пушки.

Наши войска катили перед собою огневой вал и грозно двигались за ним, отбрасывая немцев. Самоходные пушки шли в передних цепях вместе с пехотой. На броне пушек сидели автоматчики и саперы. Они расчищали пушкам дорогу.

Но вот наша пехота, наши танки, наши пушки подошли к широкому каналу и задержались здесь. Все мосты были взорваны. Начался орудийный бой на ближней дистанции. Наступал уже вечер первого дня великого боя, и было видно, как две линии огня — наша и немецкая — сходились все ближе и ближе.

Наконец, наши бойцы поднялись и, пробежав те немногие метры, которые отделяли их от канала, стали прыгать вниз, прямо на головы засевших за скатом немцев. Они гнали немцев в воду или выковыривали из ячеек, били прикладами, брали в плен. Бойцы устремлялись в воду за немцами, шли по грудь в воде, переходили канал, выпрыгивали наверх и бежали дальше.

Не теряя минуты, саперы засыпали канал землей, и по этим насыпям вслед за пехотой перебирались за канал артиллеристы с самоходными пушками.

Командир полка, тот самый, в куртке, опушенной белым мехом, приказал Баченкову приготовиться к атаке и ринуться всем батальоном вперед, как только смолкнет пятнадцатиминутная артиллерийская подготовка. Огонь был сильный, сплошной, шквальный. Он еще не закончился, когда Баченков донес, что батальон уже продвигается. Баченков просит перенести огонь дальше.

Артиллеристы выполнили просьбу комбата. Огонь был перенесен дальше, потом еще дальше. Командир полка спокоен: там, где прошел огонь, там уже прочно закрепилась пехота...

...Шаг за шагом, метр за метром, выжигая огнем немцев из каждой щели, из каждой норы, наши полки идут и идут вперед, к Берлину. Идут здесь, у города Зеелова, идут их соседи слева и справа.

День, второй, третий день боев... В сводке Совинформбюро за 19 апреля говорится: «За последние три дня в районе Центральной группы наших войск велась силовая разведка, которая переросла в бои по захвату и расширению плацдармов на реке Одер и реке Нейсе». Информбюро сообщает: «На Одере наши войска захватили и расширили плацдарм западнее Кюстрина».

Берлин все ближе.

Сейчас, когда мы дописываем эти строки, радисты приняли из Москвы сводку Советского информбюро за 20 апреля:

«Центральная группа наших войск вела наступательные



Бой в берлинском пригороде.

бои западнее реки Одер и реки Нейсе. В результате этих боев наши войска заняли города Бад-Фрайенвальде, Врицен, Зеелов, Лебус, Клиттен, Ниски, Шпремберг, Гойерсверда и подошли к городам Каменц и Бауцен (на Дрезденском направлении)...»

За этими лаконичными скупыми строками — картина беспримерной, невиданной еще борьбы. На всем протяжении войны никогда еще мир не видел такого сокрушительного, молниеносного удара.

Маршал Жуков избрал способ внезапной ночной атаки всем фронтом. Была проведена мощная ночная артиллерийская подготовка, которой немцы никак не ожидали. Затем началась ночная танковая атака, в которую маршал бросил более четырех тысяч танков, поддержанных 22 тысячами орудий и минометов. С воздуха удар нанесли 4—5 тысяч самолетов, шедших волнами. Еще затемно над полем боя прошло около тысячи бомбардировщиков. Остальные бомбили немцев утром и днем. Всего за сутки было проведено более 15 тысяч самолетовылетов.

В этом бою маршал Жуков применил еще одно новшество, до этого никем не применявшееся, — ночную под-

светку прожекторами. Это было около четырех часов в ночь на сегодня. Вдруг бойцы, поднявшиеся в атаку, увидели нечто необычайное: мощные ослепительные полосы света легли перед ними на землю. Эти полосы начинались от наших траншей и упирались в немецкие укрепления, старательно обшаривая их.

Прожекторы были расставлены в наших боевых порядках на направлениях главных ударов через каждые 200 метров. Всего их было более двухсот. В синем трепетном свете бойцы увидели, что стало с немецкой обороной: на месте укреплений лежали груды развороченной земли, клочья изорванной колючей проволоки, обломки разбитых и смешанных с землей блиндажей, изуродованные, расщепленные деревья. И повсюду — воронки и ямы, ямы и воронки.

Главные удары были нанесены с разных направлений. Как и рассчитал маршал Жуков, атака оказалась для немцев неожиданной, ошеломляющей. Они не ждали такого мощного удара, и сопротивление их было быстро сломлено.

...Слов «Берлинское направление» в сводке Совинформбюро еще нет. Но каждый, кто сражается здесь, за Одером, знает, что слова эти не сегодня—завтра в сообщениях появятся: небывалая, ожесточеннейшая битва на дальних подступах к Берлину фактически уже выиграна. Мы овладели важнейшим рубежом немецкой обороны, проходившим по Зееловским высотам. Немецкие оборонительные рубежи смяты, искромсаны, разгромлены. И хотя немцы сопротивляются с бешеным отчаянием, им приходится отходить все дальше на запад, к пригородам своей столицы.

События развиваются неудержимо.

IV. Мы в Берлине!

23 апреля

С быстротой молнии только что облетело весь фронт, да, наверное, и всю страну короткое, сверкающее известие:

«Наши войска ворвались в Берлин!»

Это историческое событие свершилось сегодня. Снова приходится повторять все ту же фразу: события разви-

ваются стремительно. Именно это слово определяет характер небывалого в истории наступления. Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов все глубже входят в центральные области Германии. Уже пал Франкфурт на Одере, глубоко обойденный нашими войсками. Форсирован Гогенцоллерн-канал. Захвачен Ораниенбург — центр немецкой металлургии и химии. Захвачены пригороды германской столицы. И вот уже наши танки, наша пехота, наша артиллерия в северно-восточной части Берлина!

В сводке за сегодняшний день сообщается:

«Немцы ввели в бой несколько пехотных полков и до 40 ударных батальонов. Опираясь на укрепления, построенные у линии окружной железной дороги, противник неоднократно переходил в контратаки. После сильного артиллерийского обстрела вражеских позиций наши войска прорвали немецкую оборону. Занят газовый завод и ряд городских кварталов. Советские танкисты и пехотинцы, наступающие с востока, выбили гитлеровцев из города Кепеник и, наращивая удары, ворвались в пригород Берлина Карлсхорст. Занят аэродром и несколько заводов. В ходе боев противник несет огромные потери. Места боев завалены трупами вражеских солдат и офицеров. По неполным данным за день сожжено и подбито 53 танка и уничтожено более 160 орудий противника...»

Только что из Москвы передали сталинский приказ маршалу Жукову и начальнику его штаба генерал-полковнику Малинину: в 21 час Москва салютует войскам 1-го Белорусского фронта, прорвавшимся к Берлину, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий!

Хочется, хотя бы бегло, зафиксировать все виденное сегодня...

Стоит только переехать Одер, вступить на западный берег и подняться на какую-нибудь высоту, как сразу же от горизонта и до горизонта открывается перепаханное сталью поле битвы. Кажется, что оно и сейчас еще горячее. Вдалеке — клубы черного дыма: там догорают бывшие узлы сопротивления. Черными коробками застыли на месте сожженные танки. Груды битого кирпича. Молодая зелень полей исполосована гусеницами танков. Здесь много дорог. И все же они не вмещают бесконечно бурлящего потока движения. Здесь, на последних километрах перед Берлином, создана такая концентрация войск, техники

и огня, что вся земля кажется летчикам, летающим над нею, огромным развороченным муравейником. Колонны машин сворачивают на целину, заново прокладывая полевые дороги. А по асфальту на предельной скорости мчатся колонны «студебеккеров».

Круглые сутки движутся вперед войска, обозы. Не утихая, дует яростный северный ветер. Песчаная немецкая земля курится пылью, и горизонт затянут рыжей густой тучей. Пыль хрустит на зубах, набивается в складки одежды, проникает во все поры. Хочется пить. Воды нет, — колодцы завалены, разбиты, отравлены. Густая пыль покрыла лица солдат, сделав их одинаково темными, суровыми, непроницаемыми.

Но мы видели, как неожиданно расцвели эти суровые лица. На окраине одного села, у перекрестка дорог, где не смолкали лязг металла и рев моторов, вдруг откуда-то появилась гусыня с гусенятами. Обыкновенная белая гусыня с длинной, высоко поднятой шеей и целая стая совсем крохотных гусенят: желтеньких пушистых шариков. Она переходила шоссе. И вдруг на мгновение заскрипели тормоза, и все движение замерло. Танкист, высунув из люка голову в тяжелом шлеме, радостно воскликнул: «Гляди! Гусенята!»

Люди смотрели на гусенят, как на картину из далекой, полузабытой мирной жизни. Они улыбались, и улыбки на серых обветренных лицах были особенные, светлые. Наверное, каждому в эту минуту вспомнился родной дом, который стоит где-то далеко-далеко отсюда, и солнечные утренние лучи в окне, и старая мать у крыльца, кормящая цыплят, гусенят, утят. И у каждого еще сильнее разгоралось желание: поскорее кончать с немцем.

Гусыня спокойно провела свое потомство среди гусениц, копыт и колес, спустилась в пруд и поплыла, а по шоссе снова устремились машины, танки, войска. Люди спешили к Берлину.

Там, впереди, где советские артиллеристы, летчики и танкисты дружными ударами прокладывают путь пехоте сквозь сплошные цепи немецких укреплений, идет трудная борьба. Вот один из сотен эпизодов этих дней. Отступая, немцы взорвали мост через канал. Саперы взялись наводить переправу, но немцы не давали никакой возможности работать: так силен был огонь. Подполковник Морозов вызвал к себе младшего лейтенанта Владимира Долга-



На последнем рубеже.

нова, бывалого танкиста, и предложил ему обеспечить переправу.

Два танка отделились от домов, вымахнули на шоссе, подкатили к переправе. Долганов встал по одну сторону шоссе, между двумя сгоревшими танками, укрываясь за ними. Командир второго танка занял позицию по другую сторону шоссе. Был полдень. Танкисты завязали артиллерийскую дуэль с закопанными в землю немецкими танками, самоходными орудиями, прикрывая работу саперов. Час, другой, пятый длилась эта дуэль.

Немцы бросили против двух советских танков большое количество самолетов, — все, что у них было под руками. Бомбардировщики, транспортные самолеты, разведчики кружились над танками и сбрасывали бомбы. У танкистов звенела голова от визга пикирующих самолетов и от грохота разрывов; в танках было нестерпимо душно. Наши истребители отогнали немецкую авиацию, но обстановка оставалась напряженной.

Сгустилась ночь. Связь с Долгановым была потеряна. Но в темноте было видно, как от танковых пушек отрывались куски огня и летели по ветру, словно красные платки. И подполковник Морозов знал: танкисты живут, стреляют, помогают саперам наводить переправу. На рассвете мост был готов, и Долганов первым прошел по нему, ведя за собой своих соратников.

Здесь, у стен Берлина, возможности танкового маневра стеснены. И все-таки наши танкисты ухитряются совершать изумительные, дерзкие рейды, наносить внезапные удары оттуда, откуда немцы их совсем не ждут. Батальон капитана Степанова ночью подошел к господскому двору Меглин так неожиданно, что немцы приняли его танки за свои. Один немец на мотоцикле подъехал прямо к танкам и что-то спросил по-немецки. Большой, добродушный старшина схватил его за грудь и, усмехаясь, сказал:

— Пропуска не имеешь, а прешься. Слазь, отдавай мотоциклу...

Оторопевший немец поднял руки. Танкисты дали полный газ и въехали в господский двор. Они раздавили немецкую пушку. Артиллеристы спрятались в подвале, но с ними расправились подоспевшие пехотинцы. Танкисты погнали машины дальше. Развернувшись в линию, наши танки и самоходные пушки катились грозной бронированной волной, ведя огонь. Вдруг танкисты увидели перед



Эти гитлеровцы предпочли поднять руки еще на окраинах своей столицы. Они бредут под конвоем. На заборе надпись: «Берлин останется немецким...»

собой много людей в гражданской одежде. Люди поднялись из ям и побежали навстречу нашим танкам, что-то крича. Здесь были женщины с детьми на руках, мужчины, девушки.

— Наши! — ахнули танкисты.

Подполковник Морозов приказал прекратить огонь. Немцы, видя, что русские, белоруссы, поляки, укрывавшиеся в ямах, устремились навстречу своим освободителям, начали обстреливать их из минометов. Раненые женщины падали и ползли вперед. Когда все они добрались до наших машин, танкисты пропустили их, а затем с еще большей яростью открыли огонь и погнались за немцами.

Танкисты, дравшиеся с немцами еще на Орловско-Курской дуге, потом на Днепре, потом в Польше, были охвачены одной думой: скорее ворваться на улицы Берлина.

Немцы защищаются отчаянно. Уже 18 апреля во всех военных учебных заведениях Берлина занятия были прекращены, а слушатели все до одного брошены в бой, на

передовые позиции. На следующий день, 19 апреля, в Берлине была объявлена поголовная мобилизация всего мужского населения от 15 до 65 лет. Эсэсовцы сгоняли людей в казармы и наспех сколачивали батальоны фольксштурма.

На защиту дальних подступов к городу была брошена часть гарнизона Берлина. Немцы все еще рассчитывали остановить наши войска. Но подходившие к полю боя немецкие резервы были разбиты мощными ударами наших танков и авиации. И когда наши войска прорвались к городу, оборона Берлина уже была на ряде участков оголена. В частности, была значительно ослаблена зенитная оборона Берлина, что давало возможность нашей авиации действовать на низких высотах.

Мощным таранным ударом немецкая оборона на подступах к городу сломлена, и наши войска ворвались в Берлин.

Пехотинцы штурмуют первые дома германской столицы.

Позади остались перекрестки пригородных дорог со стрелами, указывающими направление на Берлин и количество километров, оставшихся до него.

Когда-то немцы, подкатившись к Москве, изучали расположение ее площадей и улиц и готовились к параду на Красной площади. Тогда Берлин ликовал. Теперь он превращен в огромное вместилище боя. Его кварталы горят. Пороховой дым стелется по его мостовым, и его защитники, исступленно сопротивляясь, все же пятятся назад, в центр, где они должны будут поднять руки или умереть.

В городе громоздятся баррикады. Они были подготовлены заранее. Когда боевые действия приближаются к тому или иному участку, немцы вгоняют в промежуток, оставленный в баррикадах для проезда, груженные камнями трамваи и таким образом замыкают стену. В одном месте баррикада сооружена из огромных прожекторов.

Немцы цепляются за каждый камень полуразрушенных домов германской столицы. Напрасно! Им не задержать могучего натиска наших войск. Все громче гремит в Берлине грозный голос «бога войны» — советской артиллерии. Все сильнее удары нашей авиации. Все неумолимее натиск нашей пехоты, штурмующей квартал за кварталом.

Только что из Москвы разнеслось по радио эхо нового победного салюта: войска 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева прорвали оборону немцев на реке Нейсе, продвинулись вперед, заняли ряд городов и ворвались с юга в Берлин!

V. Кольцо замкнулось

26 апреля

Вчера и сегодня бои шли уже в глубине Берлина. Войска, наступающие с севера, востока и юго-востока, вышли к реке Шпрее, форсировали ее и очистили районы Трептов, Бриц и знаменитый промышленный район Сименсштадт. В юго-западной части города форсирован судоходный канал Тельтов, превращенный немцами в сильный оборонительный рубеж. Заняты шесть станций метрополитена, Ботанический сад... Наши войска продвигаются все дальше к центру Берлина, рассекая немецкий гарнизон на части.

Одновременно войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов совершен блистательный маневр, весть о котором повергла немецкий гарнизон Берлина в уныние: вчера войска 1-го Белорусского фронта перерезали все пути, идущие из Берлина на запад, и соединились северо-западнее Потсдама с войсками 1-го Украинского фронта, завершив таким образом полное окружение Берлина.

События настолько огромны, что трудно охватить их мысленно, осознать. Сегодня один офицер, сидевший за столом в комнате берлинского особняка, сказал нам, выглянув в окно:

— Вы знаете, как-то до сих пор не верится, что мы в Берлине...

Он устало улыбнулся и провел рукой по лицу. Человек этот прошел всю войну, измерил ее длину и глубину, повидал в лицо смерть. С самого начала боев он стремился именно сюда, в Берлин. А вот теперь, когда он вошел в него, сознание и сердце никак не могут вместить в себе волнующего чувства при виде этого поверженного города-спрута.

Ощущение, о котором говорил офицер, знакомо всем

нашим людям, ворвавшимся в германскую столицу. Все сплелось в один клубок: сознание, что мы живем в дни исключительно величественного значения, счастливое ощущение того, что историческая миссия, возложенная на нас, выполняется с честью, радостные думы о том, что вот за этими последними усилиями уже виден конец войны.

Мы проходим по улицам Берлина, от его восточных окраин вглубь, до тех пор, пока можно итти, пока не упираемся в квартал, где идет бой.

Если посмотреть вдоль Ландсбергераллеи через площадь Ландсбергерплац, то увидишь, как на странице раскрытой книги, весь ход боя, до его мельчайших деталей.

Улица захлестнута сплошным, не утихающим ни на секунду гулом орудийной пальбы, стрекотом пулеметов и автоматов. Неподалеку жарко пылает огромный многооконный дом. В каждом окне бьются, мечутся, словно хотят оторваться и не могут, режущие глаза языки пламени. За этим домом горит второй, но там огня не видно, только клубы густого дыма вырываются из окон. Дым затягивает улицу тусклой, непроницаемой пеленой.

Сопротивление врага опирается главным образом на перекрестки дорог и улиц. Немцы засели в больших зданиях, заводских корпусах, на железнодорожных станциях. Очищая дом за домом, квартал за кварталом, наши части прорываются к центру города. Вот и сейчас видно, как рота старшего лейтенанта Москвитина атакует два угловых дома через площадь. Видно, как сержант Григорий Карнилин, пригнувшись, перебегает к трамвайному вагону, застывшему на площади. Он тащит за собой пулемет. Вот он останавливается, ложится за пулемет и бьет по окнам дома, занятого немцами.

Видно, как трое наших бойцов быстро пронеслись по улице и нырнули в дверь дома. Что там происходит в эти секунды? Командир роты с волнением ждет результата схватки. Все в порядке! Бойцы выходят из двери, выталкивая немцев, взятых в плен.

По площади, волоча раненую ногу, ползет красноармеец. Подойти к нему на выручку не удается: немецкие пулеметчики ведут бешеный огонь. Вот наш раненый поравнялся с немцем, лежащим на камнях, — немец тоже ранен. По камням застучали пули, высекая искры: немцы



Огонь по гитлеровцам!

бьют с крыш по нашему бойцу зажигательными пулями. Мимо. Они промахнулись, и несколько пуль попадают в немца. На немце загорается одежда, и он начинает кататься по земле в агонии. Наш боец отползает дальше и дальше...

Видно, как по улице прошел наш танк. Дойдя до перекрестка, он вздрагивает и останавливается. Появляется струйка пламени, — это немцы попали в него из противотанкового ружья — фаустпатрона. Вражеские стрелки засели в подвале. Наши бойцы и офицеры с болью в сердце глядят на горящий танк. Им хочется быстрее отплатить немцам.

Старший лейтенант Москвитин передает по телефону:

— Помогите огнем! Немцы сковывают наше продвижение...

На улицу выдвигаются грозные самоходные пушки.

Им тесно здесь. Они становятся в ряд и бьют по занятым немцами домам прямой наводкой, выхватывая из стен куски кирпича. По занятым немцами домам бьют и полевые орудия, установленные в сквериике. Немецкие дома рушатся. Сопротивление немцев сразу же ослабевает, и наша пехота снова устремляется вперед. Экипаж подстреленного танка спасен.

Отделение за отделением просачивается в подвалы домов, бойцы выбивают оттуда уцелевших немцев. Оборона фашистов на этом участке сломлена! И сразу же наши войска широким потоком устремляются дальше вдоль Ландсбергераллеи.

На лестнице, ведущей в подвал соседнего дома, разместился командный пункт командира полка: телефонист с аппаратом, связные, два-три офицера и сам командир полка майор Михайлов. Только что ему донесли, что занят большой серый дом, в подвале которого сидели немцы с фаустпатронами, мешавшие продвигаться нашим танкам. Через несколько минут по телефону докладывают, что захвачен еще один дом, стоящий напротив. Потом приходит сообщение о том, что от противника очищен весь квартал, и майор Михайлов переносит свой командный пункт на квартал вперед.

Телефонист шагает впереди, разматывая катушку с проводом. Участок, где только что плескался огонь и гремели гулкие разрывы, становится относительно тихим и спокойным.

Но вот летят пикирующие немецкие бомбардировщики. Самолеты мечутся над крышами зданий, дико воют и бросают бомбы. Немцы бомбят Берлин! При всей остроте и сложности военной обстановки мысль об этом заставляет улыбнуться нашего спутника-офицера.

Бомбы падают все ближе. Вместе с группой офицеров мы укрываемся в подвале. Здесь полумрак. Тихо горит свечка. Оглядевшись, мы видим на полу лежащих и сидящих людей. Они плотно прижались друг к другу. Кто это? Мы слышим славянскую речь. Здесь в подвале укрывались работавшие на одном из заводов люди, угнанные на каторгу к немцам.

Записываем несколько фамилий. Петро Берг, чех из Лужиче, столяр, был угнан в Германию в 1942 году. Ему двадцать три года, но он сед, угрюм, в глазах его тоска и смертельная усталость. Иван Костецкий, поляк, пекарь,

робкий, запуганный человек, над головой которого, видимо, все время висел кулак надсмотрщика. А вот и наша землячка украинка Мария Сердюк, бывшая сотрудница статистического управления города Полтавы, экономист.

Подвал гудел и сотрясался от разрывов бомб, с потолка осыпалась штукатурка. Люди сидели тихо, ожидая, пока кончится бомбежка. Но вот над городом появились наши истребители, очистили небо, и люди стали выползать из подвалов. На улице встречается все больше и больше людей, освобожденных из немецкого плена. С тележками, с мешками за плечами они медленно потянулись из Берлина домой, на родину. Теперь они свободны. Сколько раз в жизни они вспомнят добрым словом бойцов майора Михайлова, которые освободили их из плена!

На площади, где совсем недавно вел свой бой с немцами пулеметчик Григорий Карнилин, теперь было тихо. Григорий Карнилин с группой бойцов еще был здесь. Бойцы рассказали подробности схватки. Карнилину, после того как он выбежал с пулеметом к трамваю, пришлось провести поединок с немецким пулеметчиком. Немец был совсем близко. По немецкой огневой точке били наши пушки, били пулеметы, но подвал был крепок, и вражеский пулемет оставался неуязвимым. Тогда Карнилин, оставив пулемет своему помощнику, схватил гранаты, отполз в сторону, скрылся за поворотом, пробежал дворами. Вскоре все бойцы роты старшего лейтенанта Москвитина снова увидели его перед собой. Затаив дыхание, они перестали стрелять и ждали, что же произойдет.

Карнилин вынырнул из ворот и, плотно прижавшись спиной к стене, стал медленно приближаться к люку, из которого торчал немецкий пулемет. Подойдя, он резким, точным движением всунул в люк гранату и отпрянул. Из люка повалил белый дым. Рота сделала рывок вперед и вышла на площадь...

Карнилин поглядел вдоль улицы, оглянулся на бойцов и сказал негромко:

— Дошли!

Был он молодой, резкий, по-солдатски суровый. Его пыльные брови нахмурены. Когда смотришь на него, кажется, что лицо его затвердело в гневе, как камень. Что это за человек, сержант Карнилин? Откуда он пришел сюда, на Шпрее?

Первый день войны он помнит таким: ехал верхом на

лошади, вдруг услышал звон колокола — в деревне звучал набат; прискакал на взмыленной лошади к правлению колхоза. Там уже митинг: война.

Потом проводы. Он искупался в Волге перед уходом в армию. Навек запомнилась мать, стоящая на дороге в скорбной позе, с заплаканными глазами. Он и сейчас видит ее все такой же.

Потом первый бой. Встреча с немцем лицом к лицу. Отступление. Снега под Москвой. Пулемет — неизменный спутник. Твердое решение: умереть, но не отойти больше ни шагу. Первая рана. За пулемет тогда лег его друг — Антон Федотов, большой, необычайно мощный человек, с висячими усами и синими, по-детски чистыми глазами. Немцы шли в рост. Они были совсем близко. Но пулемет молчал. «Стреляй»! кричал Карнилин Антону. Но пулемет все-таки молчал: ленту заело. Тогда Карнилин пополз к нему, окрашивая кровью снег. Антон тем временем исправил пулемет. Немцы уже были в нескольких шагах. Он срезал их. Рядом разорвалась мина. Карнилина и Федотова отбросило в сторону. Они лежали вместе, и кровь их смешалась со снегом.

Потом госпиталь. Затем — Сталинград, Курская дуга. Потом бой на границе и чужая земля. Перед тем как вступить на нее, перед тем как переправиться на чужой берег, Карнилин взял с собой комочек родной земли и завязал его в платок. Федотов улыбался в усы. «Смеешься? — сказал Карнилин. — И тебе советую тоже взять землицы. В чужой край идем. Возьми для памяти». — «Я и так помнить буду, — ответил Антон. — У меня память по всему телу осколками разрисована — тут и Московская область, и Орловская, и Черниговская, там и Волга, там и Днепр».

И вот они пришли сюда, в Берлин, люди с памятью, разрисованной осколками по телу. Память о пережитом помогает им делать то, что они делают сейчас вот здесь, в кварталах германской столицы. Они смотрят в центр Берлина, стараются разглядеть зловещее место, откуда началась война: они ищут глазами германский рейхстаг. Сюда, на участок полка майора Михайлова, уже донеслась весть, что неподалеку, у реки Шпрее, группе бойцов дан красный флаг, который им поручено водрузить над зданием рейхстага.

VI. В центре Берлина

28 апреля

Сегодня наши войска ведут бои уже в самом центре Берлина. Занята часть одного из аристократических районов — Шарлоттенбург. Войска 1-го Украинского фронта сражаются в юго-западной части Берлина и овладели тремя городскими районами. Ими занята площадь «Адольф Гитлер». Занято еще несколько станций метрополитена. О том, как ожесточенны бои сейчас, красноречиво говорит строчка из сегодняшней сводки: за день только войсками 1-го Белорусского фронта уничтожено свыше 6 000 солдат и офицеров противника.

На знакомых нам восточных окраинах Берлина уже относительно спокойно. Здесь не слышно выстрелов. Шумят только грузовики и мотоциклы. Безлюдно. Трамвайные линии пусты. На разрушенных домах — вывески, намертво вделанные в стены: «Идеальное молоко», «Автомобили Оппель». Все это — в прошлом.

Ближе к центральным районам начинают встречаться трамваи. Они стоят недвижно на заржавевших рельсах — по два, по четыре. Стены изрешечены пулями, стекла выбиты. Кое-где у ворот стоят немцы — старики, старухи. Из центра то и дело бредут молодые немки: везут в тележках чемоданы. Бой боем, но немки не упускают возможности пограбить магазины и брошенные квартиры бежавших фашистских сановников. Двери контор и магазинов, разгромленных берлинцами, распахнуты. На столах стоят счетные машины, картотеки.

Чем ближе к центру, тем дома становятся выше. Улицы узки, но на них светло: у многих домов только одна стена, остальные разрушены, и солнечные лучи сквозь проломы вливаются в улицы. Повсюду на заборах, фундаментах, стенах цитата из недавней речи Гитлера: «Берлин останется немецким».

Здесь уже явственно слышен грохот канонады. Чем дальше, тем больше еще не утихших пожаров, земля вздрагивает от разрыва тяжелых авиабомб, неутомимо работает наша артиллерия. Наконец нас останавливает патруль. Дальше ехать нельзя, — опасно. Вначале опасности не видишь: такая же безлюдная улица, как и все, и даже дома как будто бы целые, но опытный боец разъясняет:

— Линия фронта вон там, за углом...

Впереди маленькая площадь. Трамвайные провода оборваны. Площадь пуста. Трое разведчиков, прижимаясь к стене, пробираются вперед.

— Вот смотрите, — говорит боец, — сейчас все станет ясно...

Бойцы крадутся, задерживаясь в дверных нишах. Они скрываются за углом. И сразу же из верхнего этажа дома, стоящего впереди, раздается пулеметная очередь. Бойцы поспешно возвращаются.

— Вот и бой, — заключает наш собеседник.

— Машину! — раздается из-за угла. — Раненый!

Кто кричит — неизвестно. Автоматчики, осторожно выглядывая из-за угла, стараются рассмотреть, в каком же окне прячется немецкий пулеметчик. Один из них что-то говорит своим спутникам. Они возвращаются, обходят наш дом и скрываются во дворе. Через четверть часа один из них опять появляется за углом. Немецкий пулемет дает очередь, но тут же с чердака нашего дома ударяют два автомата. Немец умолкает, и боец, вышедший за угол, бежит к противоположному дому. Вот так и продвигаются здесь вперед...

Тем временем двое бойцов, бросившихся на помощь раненому, приносят капитана с погонами сапера. Его правая штанина в крови.

— Скорее, скорее меня в штаб... — говорит раненый. — Я все разузнал. Переправа есть!

Капитана сажают на подошедший «виллис» и увозят...

На Ландсбергераллее шумнее. Здесь идут ожесточенные артиллерийские дуэли. Наши пушки громят вражеские опорные пункты. Между двумя мрачными бетонными домами, въехав на тротуар, остановились гвардейские минометы старшего лейтенанта Филиппова. Командиру докладывают, что немцы закрыли путь к важным заводам. Пехота дает заказ на огонь. Прицелы установлены. Минометчики, ожидая сигнала, курят. Немки с первых этажей уцелевшего дома глазеют на не знакомые им установки. Звучит команда. Громовый залп сотрясает землю и стены. Немок, как вихрем, смело.

Еще один участок переднего края. Дорога заграждена баррикадой. Усатый боец ведет нас к какому-то заводу. Угрюмые цехи его пустуют. Они сохранились довольно

прилично. Двор чисто подметен. Кажется, вот-вот раздастся гудок, и в заводские ворота хлынут рабочие.

В подземелье под лестницей лежат бойцы. Многие из них спят. В нише стоит стол с телефонами. За столом сидит майор. Это начальник штаба полка Коблев. Мы задали несколько вопросов относительно обстановки. Майор подумал, поглядел на план Берлина и сказал:

— Германия дает последнее сражение. В Берлине каждое окно, каждый чердак превращен в дзот. Вы, наверное, видели надписи: «Берлин останется немецким». И все-таки мы берем его. Берем квартал за кварталом.

Зазвонил телефон. Коблев выслушал донесение и сразу повеселел.

— Все-таки взяли! Был тут, знаете, один такой проклятый дом... Их дома превосходно приспособлены для обороны: повсюду большие подвалы, и вышибать их оттуда нелегко. К тому же в подвалах много мирного населения. Немецкие солдаты и офицеры этим пользуются: как только приходит конец их обороне, они сразу же переодеваются в гражданское платье и смешиваются с жильцами дома. Каждый в шляпе, на рукаве белая повязка. Пойди тут разберись! В одном подвале проверили, и оказалось, что там полно эсэсовцев. А бывают и такие факты. Увидели подозрительного штатского, — его выправка подвела. Подошли к нему — краснеет, говорит: «Гитлер капут». Расстегнули пальто, а под ним фаустпатрон.

Майор рассказывает об особенностях уличных боев в Берлине. Немцы широко применяют последнюю свою новинку — противотанковые ружья — фаустпатроны. На чердаках и в подвалах гнездятся снайперы. Драться приходится за каждый этаж. Был случай, когда в одном из домов уже расположился штаб части, а на пятом этаже все еще держались немцы: их пришлось целый день выбивать оттуда.

Хорошо показали себя в уличных боях наши самоходные орудия. Они прокладывают путь пехоте, разрушая опорные пункты гитлеровцев. Нашли себе применение в Берлине и бутылки с горючей смесью: под прикрытием пулеметного огня наши бойцы подползают к домам, из которых ведут огонь немцы, и забрасывают их этими бутылками.

Дома горят, и наши подразделения пробиваются вперед...

Во время разговора с майором в подвал спустился автоматчик.

— Связной Тупицин явился, — отрапортовал он. — Я зашел на пятый этаж, куда вы меня посылали. Вхожу в квартиру, а там склад винтовок. Слышу, пишущая машинка работает. Открыл дверь — фрицы. Кричу им: «Хенде хох!» Подняли руки. Я их прижал в угол, вынул из машинки, что они печатали, и привел их самих. Наверное, оборотни...

Автоматчик протянул листок бумаги. На нем была напечатана песня, в которой говорилось: «До тех пор, пока коричневая рубашка на мне, я свирепый охотник. Мы все принадлежим фюреру, мы подобие волка. Нашим делом остается охота, к чему мы и стремимся».

Да, это были молодчики из организации «Вервольф», что значит — оборотень. Это они, оборотни, стреляют в спину нашим бойцам, предательски нападают на тылы, шпионят, совершают диверсии. Видимо, на этот раз Тупицину встретились еще недостаточно опытные члены «Вервольфа», — обычно матерые диверсанты так легко не сдаются...

Над Берлином спускается вечер. Багровое от дыма пожаров солнце закатилось. Из-за горящих домов поднимается такая же багровая луна. Дым, точно туман, окутывает улицы. В воздухе носятся обгорелые листы бумаги. Над улицей идут звено за звеном наши бомбардировщики направляющиеся к центру. Оттуда доносятся разрывы.

В переулке остановились грузовики и «виллис» с автоматчиками. Они грузят необычный груз: в подвале найдено десять тонн советской серебряной монеты, выкраденной немцами в наших городах.

Груз этот будет доставлен по назначению.

VII. День на Франкфуртерштрассе

29 апреля

Этот день мы провели на Франкфуртерштрассе, одной из улиц центрального района Берлина. Она, как и знакомая нам уже Ландсбергераллея, ведет к площади Александерплац. Ночь перед этим прошла относительно спокойно, лишь патрули разведчиков несли свою вахту. Наши офицеры и бойцы отдыхали под надежной охраной дозоров.

Но как только стало светло, как только чуть-чуть прояснились верхние этажи домов, бой возобновился с новой силой. За ночь разведчики установили цели для артиллерии, и теперь пушки с перекрестков открыли ураганный огонь. Поднялась автоматная стрельба, загремели одиночные выстрелы. Все пошло своим чередом.

Своим чередом шла и жизнь гражданских немцев. Утром они парами и группами пошли к водяным колонкам с ведрами. Готовясь к обороне Берлина, немцы заранее установили на перекрестках ручные водяные насосы. Старики с белыми повязками на руках качают воду, и женщины по очереди подставляют белые ведра. Вереницы немок с лопатами выходят на улицу, где уже утих бой, и убирают щебень, прокладывая путь нашим грузовикам. Многие немцы идут куда-то с чемоданами и рюкзаками: ночь они провели в метро и подвалах домов: там безопаснее.

Все это придает району боев какой-то странный, непривычный колорит — словно ты не на войне, а на пожаре.

Линия переднего края проходит за станцией метро. Если бы не вывеска, никогда бы не подумал, что тут вход в метрополитен: бедно, убого оформлены станции берлинской подземной железной дороги. Над бетонными ступенями, ведущими вниз, — часы. Стрелка остановилась на 12. Цифра символична: бьет двенадцатый час Берлина! Под часами автоматчики развели костер. Они подогревают консервы.

Вдруг костер тушится, бойцы поспешно хватают горячие консервные банки и исчезают во мраке тоннеля. Что такое? Оказывается, под землей издалека донеслась мужская немецкая речь. Мгновение — и из-под земли несется гул разрыва гранаты, раскатывается дробь автомата. Там начался маленький бой.

Когда мы спускались в метро, чтобы узнать подробности этой схватки, наверху еще было тихо. Поднимаемся наверх — перед входом на станцию уже стоят наши танки и бьют из пушек по опорным пунктам немцев. Справа и слева занялись огнем семиэтажные здания. Немцы перешли в контратаку, и теперь здесь становится довольно жарко. Рвутся немецкие снаряды. Лейтенант Осечкин, москвич из Бауманского района, следящий за порядком на этом участке, подходит к группе бойцов, собравшихся у колонки, и приказывает им разойтись.

Все же будничная жизнь переднего края идет своим чередом. Вот сюда, на перекресток, влетает мотоциклист в черном комбинезоне, с двумя сумками. Он подъезжает к Осечкину и вручает ему письмо.

— Спасибо, — говорит Осечкин, глядя на конверт, — от жены из Москвы.

Он разрывает конверт и начинает читать. Мотоциклист-почтальон, обслуживающий район Александерплац, спрашивает, где здесь воюют танкисты подполковника Секунды. Регулировщик указывает ему на стоящие у метро танки, и он лихо подкатывает к ним.

Танки открывают частую пушечную стрельбу. Один из них начинает обходить станцию метро. И вдруг раздается страшный грохот. Как только дым рассеивается, мы видим, что танк как-то странно осел и накренился. Из люка выбираются танкисты и, ругаясь, осматривают машину. Один из них подходит к Осечкину.

— Вот сволочи, — говорит он. — Несколько фаустов из тоннеля под танк пустили...

Метро Берлина неглубокого залегания. Взрывом повредило кровлю тоннеля, и танк провалился. Бойцы, заметив, что из метро снова вынырнули немцы, бросились за ними. Раздались очереди автоматов, пистолетные выстрелы. Двое наших падают на бетонные ступени. Старший лейтенант Евдокимов, командир подбитого танка, с автоматом гонится за немцами. У входа в тоннель остались три убитых немца. Возле них пистолеты и фаустпатроны.

Дома горят все ярче. Вот уже с грохотом обваливаются перекрытия, и над ними встают облака черного дыма и пыли. Мы видим: из-за груды камней на горящий дом кто-то нацеливается. Это киноаппарат! Здесь, в самой сутолоке боя, работают наши кинооператоры, решившие во что бы то ни стало заснять детали штурма занятого еще немцами квартала. На мгновение их аппарат скрывается и поднимается снова. В чем дело? Оказывается, по операторам бьет немецкий автоматчик. Прекратив съемку, они отползают, разочарованно смотрят на свои грязные шинели и ищут новую «позицию».

Короткая передышка боя. К линии фронта подъезжают саперы. Лейтенант Осечкин властно их останавливает. Они прячут машины в подъездах и начинают расчищать дорогу, убирая развалины разбитых домов. Дорога нужна танкистам. Молоденький офицер руководит работами.



У входа в метро.

— Новости какие? — повторяет он наш вопрос: — А, вы из «Комсомольской правды»! Есть новости. Вот вчера на одной станции берлинского метро трех бойцов в комсомол приняли — Петрова, Жданкина и Москаленко...

Оказывается, это комсорг саперного батальона Ярошенко. Он сообщает, что трое бойцов, принятые в комсомол, отличились еще в боях на Одере, прокладывая путь танкам к Берлину. Они тогда же подали заявление в комсомол, но все времени не было ни минуты, чтобы оформить их прием. Пришлось принять их уже здесь, в Берлине.

— Да вот и они сами! Видите, — кусок бетона тащат... Работы у нас хватает!

И, торопливо простившись, комсорг убегает распорядиться уборкой только что рухнувшей стены

Мы пробираемся дальше. За пулеметом на тротуаре среди развалин сидит закоптелый в каске обсыпанный пеплом, пулеметчик. Он настороженно всматривается в пустую улицу, раскинувшуюся впереди. Мимо него, укрываясь среди камней, проходят бойцы. Пулеметчик, вдруг меняясь в лице, кричит:

— Алеша! Как ты сюда попал, Алеша!

Окликнутый боец подбегает к нему на минуту, и они обнимаются. В Берлине встретились два земляка — гвардии красноармейцы пулеметчики Иван Григорьевич Мазюк и Алексей Акимович Марков — из деревни Ревейки Малинского сельсовета Пружанского района Брестской области. Мазюк сегодня участвовал в бою под землей, в тоннеле метро. Обменявшись приветствиями, друзья расстаются.

— Добьем фрицев, еще встретимся!

Неподалеку от переднего края, в подвале, разместился штаб генерала. Мы спустились в подвал в то время, когда генералу заканчивали перевязку горла.

— Вот заболело горло не во-время. Стрептоциду дайте мне.

Ему подали таблетку, и он, положив ее на язык, запил водой. Запищал телефон. Генерал снял трубку и стал слушать. Потом он отдал распоряжение:

— Поставить дымовую завесу и пройти. Учтите — по дыму они будут бить фаустами. Не мешкать! Когда проскочите, доложите.

Генерал развернул план Берлина и вызвал командира одного из подразделений.

— Были твои в парке? — спросил он.

— Пока пройти туда не удалось, товарищ генерал, — это чудовище какое-то!

Часть уперлась в жесткую оборону у огромного парка Фридрихсгайн. Парк полуокружен, но немцы пользуются подземными тоннелями. Под парком расположился немецкий штаб укрепленного района. Здесь у немцев мощные укрепления. Взаимодействуют два гарнизона, соединенных тоннелями метро.

Парк, преграждающий путь с востока к центру, окружен двухметровой железобетонной стеной. Подойти к нему трудно. Немецкие пушки установлены на электролифтах и скрываются под землей. Иногда немцы делают вылазки переходя в контратаки. Одна из них была предпринята сегодня: впереди шли самоходные пушки, а за ними автоматчики. Наши артиллеристы встретили немцев таким огнем, что контратака была сразу смята.

Кроме эсэсовцев, в районе парка много штатских немцев. Им всем вручено оружие, и покинуть парк они не могут под страхом смерти. Отборные головорезы засели

в массивных казематах и дотах с резиновыми прокладками в стенах, затягивающими пулевые пробоины. По показаниям пленных, недавно в парк приезжал Геббельс, который требовал, чтобы гарнизон этого района защищался до последнего человека.

В телефоне опять раздался писк. Командир подразделения взял трубку, выслушал и улыбнулся:

— Еще двух фрицев из-под парка украли мои разведчики. Ведите их сюда! — крикнул он в телефон.

Вслед за этим звонком раздался второй. К телефону попросили генерала. Он прислушался и сказал:

— Поздравляю... Поздравляю с полицейским управлением и тюрьмой!

Поздравление как будто бы звучит странно, но здесь никто не удивляется — все знают, что с утра шли ожесточенные бои за два здания; одно из них — полицейское управление — находится у самой площади Александерплац.

Принесли донесение от артиллеристов. Они докладывают, что сделали дыры еще в одном доме. Артиллерия вынуждена буравить входы в домах для пехоты. Автоматчики, проникая в дома, ведут бой за каждую квартиру...

Пока мы находились в штабе генерала, улица начала затягиваться дымом. Автоматчики под прикрытием завесы пошли вперед. Стрельба усилилась. В стороне, у стены, на которой мотоциклист наклеил приказ советского коменданта Берлина генерал-полковника Берзарина, собрались немцы. Высокий немец читал объявление вслух, и слова его передавались дальше по живой цепочке.

Грохот орудий стал удаляться к Александерплац. Оттуда прибыл мотоциклист. Он принес донесение о том, что наши войска уже вступили на эту площадь.

А здесь, на Франкфуртерштрассе, к вечеру уже устанавливается относительное спокойствие. Из подземелий высыпали берлинские мальчишки. Они быстро осваиваются с новой обстановкой, рассматривают наши машины, цепляются за борта, чтобы прокатиться.

Кто-то бросил на трамвайных рельсах маленькую малолитражку. Мальчишки набились в нее. Один сел за руль, другие начали толкать машину сзади, не обращая внимания на то, что на улице время от времени рвались снаряды. Пожилая немка пыталась уговорить их уйти, но они не послушались и продолжали кататься. Немка заплакала

и, подойдя к уже знакомому нам лейтенанту Осечкину, сказала:

— Война есть война, дети есть дети...

Осечкин оглянулся, увидел мальчишек и тут же прогнал их в подвал.

Подъехали наши гаубицы. Артиллеристы получили задачу обстрелять центр города. Берлинцы с изумлением смотрят на наши могучие орудия. Это те самые орудия, которые разбили их армию под Сталинградом, которые громили ее на всем пути до Берлина и вот теперь бьют по тому самому зданию, в котором фюрер подписал приказ о нападении на Россию.

Могучие гаубицы изготавливаются к стрельбе. Гвардии старший лейтенант Федор Горбатько подает команду:

— По рейхстагу огонь!..

Из стволов гаубиц выплескивается пламя. Тяжелые снаряды с ревом уносятся к рейхстагу, превращенному немцами в опорный пункт обороны.

Мы покинули центральный район Берлина, когда он был весь затянут дымом и пылал. Здесь царил полумрак. Но стоило нам отъехать от него к окраинам, как мы очутились на залитых вечерним солнцем улицах.

Сейчас, когда мы дописываем эту корреспонденцию, радистка штаба дивизии сидит у радиоприемника, слушая московскую передачу. Она тщетно пыталась найти в эфире позывные Берлина, но Берлин уже не вещает. И хотя черная линейка настройки стоит против слова «Берлин», из приемника слышится голос Москвы. Эта волна теперь принадлежит нам.

VIII. На земле и под землей

30 апреля

Огненное кольцо вокруг Берлина неумолимо сжимается. Бои идут сегодня уже в сердце города. Ночью город был освещен красным светом горящих кварталов. Сейчас он затянут густым, едким дымом.

Наступление развивается концентрически. С востока, нацеливаясь в самый центр, рвутся войска генерал-полковника Берзарина. Они идут по обеим сторонам реки Шпрее. Бои идут в районе расположения административных учреждений на Александерплац. С юго-востока, занимая квар-

тал за кварталом, движутся войска генерал-полковника Чуйкова и танки генерал-полковника Катукова. Ими уже захвачен центральный аэропорт Темпельгоф. Бои идут на подступах к Тиргартену, в кварталах правительственных учреждений. Линия переднего края все ближе подходит к Вильгельмштрассе и Унтер-ден-Линден. Войска генерал-полковника Кузнецова и танкисты генерал-полковника Богданова очищают Берлин, двигаясь к центру с севера. Ими уже захвачен город-завод Сименсштадт — центр электротехнической промышленности Берлина и всей Германии. Заводы частично разрушены бомбардировками союзников, но в основном сохранились, и некоторые цехи попали в наши руки нетронутыми.

Все работы в городе прекращены. Газеты перестали выходить. Из всех берлинских тюрем выпущены уголовные преступники. Гитлеровцы наскоро сколачивают из них отряды, наспех вооружают и бросают их в бой. Но эти отряды не проявляют ни малейшего желания умирать за Гитлера. Уголовные преступники предпочитают дезертировать, переодеваться в штатскую одежду и грабить продовольственные магазины. Перебежчики сообщают, что грабежи продовольственных складов в центре Берлина стали заурядным явлением.

Там, в районе рейхстага, царит хаос. Кругом все горит, все мечется. Рушатся стены. Зажатые в тиски, обезумевшие немецкие солдаты не находят себе места. А наши войска, все усиливая натиск, идут и идут вперед.

Тяжелый, густой, перемешанный с пеплом и сажей дым уже не поднимается вверх, а бурой тучей стелется по земле, ползет по дорогам, медленно оседая и рассеиваясь в полях.

Дым стесняет дыхание, и нужно все время щурить глаза, чтобы в них не залетел едкий сизый пепел. Чем ближе к центральным кварталам, тем грохот артиллерии усиливается. Неистовствуют пулеметы и автоматы. Мы на Франкфуртерштрассе. Впереди — разрывы мин. Дальше не проедешь ни на машине, ни на танке, не пройдешь и пешком: на чердаках немецкие снайперы, в подвалах — немцы с фаустпатронами.

Если посмотришь вдоль улицы, не увидишь движения, не представишь себе картины боя, хотя именно здесь идет ожесточенная, упорная и невероятно трудная борьба: все скрыто внутри каменных зданий либо под землей, в под-

валах или тоннелях метро. Все одето камнем. Только слышны глухие удары, точно кто-то большой, невидимый сидит под землей и упрямо долбит камень. Чем дальше в глубь Берлина, чем ближе к центру, тем труднее вести борьбу. Центр германской столицы представляет собой лабиринт бесчисленных улиц: у массивных зданий толстые стены и бетонированные подвалы. Под землей целая сеть ходов сообщений, разветвленных под городом и выходящих иногда в самых неожиданных местах.

По телефонным проводам, тянущимся вдоль улицы, отыскиваем командный пункт дивизии. Провода вдруг исчезают, скрываясь в воротах. Спускаемся вниз, в подвал авторемонтного завода. Обычная, уже много раз описанная картина: полутемно, горят свечи, у стены спят солдаты, получившие драгоценный час отдыха; сидят телефонисты. За занавеской — командир дивизии. Перед ним — план Берлина, свечка, стакан воды, телефон.

Подполковник Клименко, находящийся двумя кварталами дальше, только что донес о том, что им встречено сильное сопротивление. Сосед слева продвинулся вперед и уже ведет бой на площади. Командир дивизии советуется с артиллеристами, как лучше помочь пехотинцам. План намечен. Нужно вначале сделать проход между Ландсбергераллеей и Тильзитерштрассе. И вот уже артиллеристы капитана Токарева тащат на себе орудия по переулкам, через развалины домов, устанавливают их в проломах стен и с короткого расстояния, почти в упор, начинают долбить стену.

Стена гудит, качается, обволакивается дымом, но легким снарядам ее не взять. Тогда вызывают тяжелые пушки майора Ирхина. Мощные тягачи тащат огромные 203-миллиметровые гаубицы. Командир расчета старшина Антонец готовит свое орудие к стрельбе. Майор Ирхин стреляет сам. Три снаряда, и стена рушится. Проход между улицами сделан. Пехота занимает еще один квартал.

Долго длится трудный бой за центральную скотобойню. Пехотинцам, сражавшимся в районе скотобойни, помогли разведчики старшего лейтенанта Андросова. Отделение под командованием старшего сержанта Хорькова вечером спустилось в подземный ход. Освещая путь фонариком, бойцы прошли под скотобойней и вышли в тыл оборонявшимся немцам. К утру по их следу перебрался туда и весь разведвзвод. Люди несли с собой гранаты, ручные пуле-

меты, автоматы. Шли молча, держась руками за скользкие стены узких, душных коридоров.

Выбравшись на поверхность, разведчики стали ждать. На рассвете загрохотала артиллерия. Разведчики укрылись в подвале. Немцы, спасаясь от огня, ринулись в тот же подвал, но здесь были встречены автоматными очередями. У немцев началась паника.

Тем временем наша пехота поднялась в атаку. Разведчики перебрались из подвала на третий этаж. Пулеметчики Саломатин и Куликов установили на балконе пулеметы и начали бить в спины немцам. Немцы дрогнули и бежали. Вскоре скотобойня была в наших руках. Захвачен еще один очаг сопротивления...

В парке Фридрихсгайн немцы еще держатся.

По подземным коридорам, соединяющим парк с центром, уже крадутся саперы капитана Щеплецова, получившие ответственную задачу. Сегодня ночью, когда над городом красными веерами стояли зарева пожаров, саперы взяли по ящику тола и начали спускаться вниз. Идя гуськом по подземному ходу, они подошли к назначенной точке, сложили тол в кучу, а утром на заре взрыв потрясающей силы всколыхнул землю, и два самых прочных корпуса завода электроприборов, превращенных немцами в узлы сопротивления у Фридрихсгайна, рухнули и рассыпались. Пехота пошла на штурм. А сейчас саперы выполняют новое задание: через несколько часов на воздух взлетят новые военные объекты.

Вот так и работают, так и воюют, так живут под огнем в эти дни битвы за Берлин наши люди. Они огрубели от опасной, нелегкой жизни, они злы на немцев, сопротивляющихся упорно и бессмысленно, но в минуту передышки можно подглядеть и увидеть всю глубину чувств большой души простого, сурового советского человека, ставшего солдатом в силу необходимости.

На одной из улиц стрелковая рота захватила огромное здание. Верхние этажи еще пылали, у стен рвались снаряды, в разбитые окна со свистом влетали пули. Но на втором этаже бойцы уже отдыхали. Они нашли патефон, завели его и под заунывные звуки какого-то тягучего танго стали нестройно петь русскую «Катюшу», потом перешли на «Раскинулось море широко», потом группа бойцов, недослушав и недопев, побежала выполнять только что полученный приказ.

Когда мы вошли в комнату, диск патефона еще крутился и шипел. Возле него сидел старший сержант Дмитрий Осокин, задумчивый, малоразговорчивый человек, с небритыми щеками, с холодными серыми глазами солдата, хлебнувшего соленого горя войны. Он недавно получил письмо из России, с Дона. Письмо принес ему ефрейтор, связной командира роты, Леня Сорокин, остроносый, щуплый, веселый паренек с медалями, которые уже не умещаются на его узкой мальчишеской груди. Ныряя, как мышь, среди развалин, Сорокин притащил письмо в разгаре боя.

— От имени командования роты и моего лично награждаю тебя письмом законной супруги из далекой России. На, читай! — тоненьким голоском прокричал он в ухо Осокину, сунул ему в руки письмо и юркнул куда-то за угол. Осокин не стал читать письмо тогда сразу, а бережно положил маленький треугольник с печатями в карман.

Сейчас, в минуту передышки, он развернул письмо и увидел вложенную туда маленькую записочку, нацарапанную детскими каракулями: «Папа, приезжай домой к празднику маю. Мы тебя все ждем». Прочитал Осокин и закусил губу. Он на миг представил свою комнату в совхозе «Талызино», лампу над столом и маленькую девочку, сидящую на коленях матери и выводящую эти слова. Рассказывая ему немудреные местные новости, жена и дочь, наверное, не ведают, что ради их тишины и покоя он ведет сейчас трудный, изнурительный бой с врагом в центре германской столицы, что вот его только недавно вытащили из-под горящих досок и обломков раскаленного кирпича, которые рухнули на него с потолка. Гимнастерка его и волосы еще пахнут крепкой гарью.

Читая письмо, Дмитрий Осокин вдруг почувствовал, что сердце его сжалось от тоски. Он неумело смахнул непрошенную слезу грубой, привыкшей к железу рукой и сказал:

— Вот... Наташка-то моя писать уже научилась...

И он остро понял вдруг, как давно уже оторван от семьи. Уходя из дому, он оставил крохотную девочку, а вот сейчас она уже начинает писать. Да, пора кончать с немцем... А немцы, которые оторвали его от дома, которые принесли людям столько страданий, вот они рядом, через улицу, через стену...

И злоба снова сковала его лицо; в вискáх, приливая, застучала кровь. Связной принес приказ командира роты: опять штурм! Осокин собрал свое отделение и вновь повел его вперед, сквозь дым, через языки пламени, в берлинские мрачные лабиринты, чтобы выбить засевших в подвале немцев.

IX. Русский парень

1 мая

Два года назад, в день Первого мая, «Комсомольская правда» в праздничном номере рассказала о русском парне. Образ этого молодого бойца воплощал в себе черты всей советской молодежи. Русский парень любил жизнь, родную землю, любил труд и веселье. Но вот — война. Над родиной нависла опасность. И во имя родины простой, мирный парень отказывается от всех радостей жизни и выходит на поединок с врагом...

Враг был еще тогда, два года назад, в нашем доме, он топтал нашу землю. Молодой боец сражался тогда еще на полях своей родины. Теперь этот русский парень, исколесивший вдоль и поперек дороги родной земли и дороги многих стран Восточной Европы, пришел в Берлин. И два и три года назад он знал и твердо верил, что придет сюда...

Он не изменился с тех пор, русский парень, разве только стал постарше, строже характером да поопытнее.

Сегодня, Первого мая, в день великого праздника нашего народа, мы опять увидели знакомого русского парня. Увидели в центре Берлина, на Александерплац...

Еще догорали вчерашние пожары, еще не рассеялся дым, когда он на рассвете вышел на площадь, в измятой, пропахшей гарью шинели, с неизменным автоматом за плечом, поеживаясь от утреннего холодка. Кругом были разрушения. Два года назад русский боец видел руины родных сел и городов. В нашей стране немецкая армия разрушала города по той простой причине, что это были города наши, советские. Здесь, у себя в Германии, немцы уничтожают все как бы по инерции. Вполне сознавая, что война окончательно проиграна, они с фанатическим упорством продолжают сопротивляться, и Берлин, крупнейший

город в центре Европы, на наших глазах превращается в развалины...

Так и в этом году, в день Первого мая, русский парень увидел руины войны. Он шел через площадь, среди гор битого кирпича, сожженных танков и искрошенного металла. На другом тротуаре шел такой же, как и он, солдат. Парень крикнул ему нетерпеливо:

— Павел!

Тот обернулся, ответил с тем же порывом:

— Алеша!

Они кинулись друг другу навстречу. Но посредине площади была яма — обрушилось от снаряда перекрытие метро, и внизу были видны рельсы в тоннеле. Бойцы обежали эту яму, крепко обнялись, потом долго хлопали друг друга по плечам и радостно восклицали:

— Вот где пришлось встретиться... Жив?

— Живой.

— Где воюешь?

— Рядом с вами, выходит.

— И не знали!

— Разве узнаешь — народу сколько здесь...

— Ну, давай выпьем! Со встречей, с праздником.

— Не могу. Иду в бой...

— Хоть по маленькой, для Первого мая!

— Не буду, у нас командир строгий. Вечерком лучше...

— Ну, ладно. Из дома письма получаешь?

— Редко.

Они произносили имена знакомых. Они родились и жили на Оке, в маленьком, утопающем в зелени городке. Вместе росли, вместе учились в школе, гуляли по вечерам на бульваре, мечтали, ухаживали за девчатами. Вместе были призваны в армию, служили сначала в одном полку, затем были ранены, а после госпиталя разъехались по разным частям. Но боевая дорожка лежала для обоих в одну сторону и привела в одну точку — в Берлин.

Друзья пожали руки друг другу, разошлись: один — в одну улицу, другой — в другую.

Часом позже мы видели русского парня под землей, в метро. Там было тускло, сыро, холодно, и он, разжигая костер, дул на пламя, а когда костер разгорелся, он нагрел руки, закурил, потом сел в сторонку от шумной компании друзей, задумался.

У костра играли на гармошке что-то до боли родное, совсем как в мирный вечер в России, только густая холодная темнота подземелья напоминала о том, что здесь Германия, Берлин.

О чем думал этот парень? Может быть, о матери, которая бесконечно любит его, ждет: маленькая, кроткая, ласковая старушка, как хотелось бы сейчас обнять ее, прижаться к ее груди щекой и... уснуть бы дома хоть часок; в сущности говоря, за четыре года он так и не выспался вдоволь ни разу. А может быть, он думал о празднике Первого мая: встает перед глазами далекий берег Оки, флаги на домах, радио над городком, смех девчат, сады в цвету. И он шепчет про себя: «Скоро, скоро все это вернется».. Но вот раздается команда офицера, и русский парень уходит с товарищами в бой; костер остается догорать в душной темноте метро.

Еще часом позже мы видели этого парня в бою. Дым, пыль, несусветная пальба из пулеметов и автоматов и пляшущие языки огня, дробление камня, и в этом нестерпимом круговороте, ожесточась, живет и бьется с врагом русский парень. Вот он вместе с артиллеристами тянет тяжелую пушку к дому. Ее устанавливают в 30—40 метрах от стены — здесь это самое далекое расстояние для стрельбы. Мы замечаем каждое движение солдата орудийного расчета. Мы видим, как пушку наводят, как заряжают. Потом от орудия все отбегают за угол, чтобы не поразило своим же осколком или камнем, и дергают за веревку. Из ствола вырывается сноп огня, и в ту же секунду видно, как стена напротив вздрагивает, обволакиваясь белым дымом и пылью. В первую минуту после выстрела ничего не слышно и нельзя разобрать, что творят люди. Но еще не успел рассеяться дым, а парень вместе с бойцами ныряет в белое облако, и смутно видно, как он врывается в круглую дыру, проделанную в стене снарядом. Внутри здания уже началась стрельба, артиллеристы снова потянули свою пушку вперед; они тащат ее в только что прорубленную дыру внутрь дома.

Навстречу им возвращается парень. Он тащит на спине раненого офицера, командира взвода. Он передает командира санитару, а сам возвращается в здание, в груды раскаленных камней.

Еще позже мы видели его в строю. Во дворе только что отбитого дома на Андреасштрассе, который горел,

выстроился стрелковый взвод, и командир роты капитан Невров читал первомайский приказ Верховного Главнокомандующего. Парень слушал внимательно, напряженно: «Мировая война, развязанная германскими империалистами, подходит к концу. Крушение гитлеровской Германии — дело самого ближайшего будущего». Вот они, те золотые слова, которых так жадно ждали. Близок конец! Значит, недаром прошли четыре страшных года, полные жесточайших схваток, мучительных раздумий, лишений. Русский парень, солдат великой Красной Армии, взвалил основную тяжесть войны на свои плечи и пронес ее до конца.

После того как был прослушан приказ, стало как-то легче дышать, словно теплый чистый ветер прилетел оттуда, из России, и развеял мрак, пыль, копоть, нависшие над Берлином. Боец заметил, что действительно кругом весна, увидел распустившуюся сирень, которая, несмотря на горький воздух, испускала тонкий приятный аромат. Он увидел на улицах Берлина и красные флаги. Праздник, наш праздник!

Вскоре бойцы пообедали. Ротный повар, который вкусно готовил обеды, любил удивлять сюрпризами. На этот раз он устроил для солдат развлечение по случаю праздника. Где-то он достал выдрессированную маленькую черную собачку с длинными белыми ушами, в другом месте он нашел попугая с крючковатым клювом. Попугай все время сидел у повара на плече.

Когда бойцы покушали, повар свел попугая и собачку вместе. Повар делал знак попугаю, тот картаво кричал: «Хайль Гитлер!» Собачка тут же вставала на задние лапки и одну переднюю выбрасывала вперед в знак приветствия. Бойцы хохотали и заставляли повторять этот номер несколько раз.

Отдохнув, бойцы стали расходиться. Парень поправляет автомат, проходит дворами на другую улицу, перебегает в двор напротив. Вот и передний край. В доме рядом — немцы. Надо их выкурить до вечера, пока светло, потом вздремнуть часок в углу, а на заре снова в бой...

Так провел день великого праздника Первого мая наш русский парень, советский солдат.

Когда он поедет домой, в свой городок на Оке, по пути, может быть, проездом окажется на вашей родине, читатель. Встретьте его цветами, лаской, как близкого,

дорогого друга. Он отлично воевал. Его нетрудно узнать. Ему 23 года. У него длинный солдатский шрам на лбу, синие глаза и неожиданно радостная улыбка. Зовут его — сержант Алексей Самойлов.

X. Красное знамя над рейхстагом

2 мая

Наши войска водрузили красное знамя над рейхстагом еще 30 апреля. Произошло это так. Части, переправившиеся через Шпрее у восточной части парка Тиргартен, овладели зданием министерства внутренних дел, разгромили в ближнем бою немцев, пытавшихся восстановить положение, достигли Цельтеналлен и начали штурм рейхстага с запада. Одновременно наши бойцы, вышедшие на набережную Рейхстаг-Уфер, ворвались в здание рейхстага с севера. Бои шли всю ночь, и наконец в 14 часов 30 апреля над зданием рейхстага было водружено знамя победы...

Но на этом борьба не кончилась. Немцы, засевшие в подвалах рейхстага, продолжали бессмысленное сопротивление, и весь день 1 мая наши бойцы, занимавшие верхние этажи рейхстага, вели упорный, напряженный бой. Красное знамя, развевавшееся над ними, воодушевляло, придавало им бодрости и силы.

После того как немцы капитулировали и Берлин сложил оружие к ногам победителей, мы провели целую ночь в помещении рейхстага среди бойцов и офицеров легендарного отныне батальона капитана Неустроева, которому и принадлежит честь победы над немецким гарнизоном, отчаянно цеплявшимся за подвалы этого здания. Участники штурма рейхстага рассказали во всех подробностях историю битвы за последний оплот немцев в центре Берлина.

Прежде всего надо сказать, хотя бы бегло, о самом командире батальона. Степан Андреевич Неустроев, 23-летний молодой человек, из города Березовск Свердловской области. До войны он работал токарем в тресте «Березовзолото». Ровно три года назад, 2 мая 1942 года, Степан Неустроев начал войну в звании лейтенанта. Он командовал тогда стрелковой ротой.

Свой первый бой Неустроев провел под Демянском. Потом он воевал у Старой Руссы, в Латвии и в Польше, под Варшавой. За четыре дня прошел с боями 100 километров по Померании. И вот заканчивает войну в Берлине, захватив немецкий рейхстаг. Батальоном он командует начиная с Кунерсдорфа. Теперь он уже капитан.

Как же развертывался бой за здание рейхстага? Уже 28 апреля ночью батальон капитана Неустроева переправился через Шпрее на набережную у рейхстага. Той же ночью батальоном был занят дом, расположенный рядом с резиденцией Гиммлера. Бойцы пытались захватить и это здание, но атака была отбита. Тогда 16 танков подполковника Морозова открыли огонь по дому, пробили своими снарядами стены. Автоматчики Неустроева ворвались в эти пробоины и вышибли немцев из здания.

Стоило пасть этому опорному пункту немцев, как перед батальоном открылось широкое пространство изрытой земли, а за ним еще одно высокое здание. Неустроев попытался атаковать его с хода, но немцы, засевшие в нем, ответили таким огнем, какого он не видывал за всю войну.

— Смотрю, впереди большой дом, — рассказывает Неустроев, — в нем немцы, а как пройти к рейхстагу — неизвестно...

Перед бойцами лежал канал, за каналом сидели немцы, зарывшиеся в траншеях. Взвод под командованием Пятницкого бросился на мостик через канал, рывком проскочил его и продвинулся на 200 метров. Увидев, что советские бойцы уже за каналом, немцы открыли ураганный огонь. Бойцам пришлось залечь и окопаться.

Атака могла захлебнуться: по горсточке бойцов, перебравшихся через канал, били десять немецких пушек. Командир полка полковник Зинченко пробрался к батальону. Неустроев доложил:

— Никак к рейхстагу не пробьемся — вот этот дом мешает.

— Так ведь это же и есть рейхстаг! — сказал командир полка удивленному капитану.

Полковник обещал поддержать батальон артиллерией. Наши пушки открыли такой огонь, что рейхстаг задрожал. Через десять минут старший сержант Свянов дал красную ракету в направлении парадного подъезда рейхстага, и бойцы поднялись в атаку.



К рейхстагу—со знаменем Победы.

Наступательный порыв наших воинов был исключительно силен. Невзирая на то, что немцы вели яростный огонь из всех огневых средств, люди стремительно приближались к окутанному дымом и пылью зданию. Это был последний штурм батальона в Отечественной войне.

У стен рейхстага, в его подъезде, в вестибюле, в комнатах разгорелись жаркие схватки. Тем временем, обходя очаги боя, младший сержант Кантария и рядовой Егоров ловко пробрались наверх, вылезли на чердак, потом на крышу и водрузили над куполом рейхстага красное знамя.

Батальон ворвался в зал рейхстага. Перед бойцами было черное пространство. Трудно было ориентироваться впотьмах. Немцы, засевшие вверху и внизу, начали бить по нашим бойцам из автоматов, бросать гранаты. В темноте грохотали очереди, мелькали сотни вспышек. Бойцы отпрянули. Группа бойцов под командованием младшего сержанта Щербины бросилась влево и натолкнулась на

вход в подвалы. Именно оттуда немцы били по залу. Одновременно группа капитана Ярунова забралась на балкон и завязала бой на втором этаже.

И внизу и вверху шла ураганная стрельба. С балкона летели гранаты. Напряжение борьбы достигло крайнего ожесточения. Лишь к четырем часам утра 1 мая в здании рейхстага наступило затишье. Оставшиеся на балконе немцы сдались в плен.

Неустроев решил тогда начать переговоры о капитуляции с немцами, сидевшими в подвалах. Один из бойцов направился в качестве парламентера к входу в подвал с предложением немцам сдаться в плен. Немцы ответили огнем. Бой разгорелся с новой силой. Некоторое время спустя, когда наши бойцы продвинулись вперед и заняли несколько выгодных позиций, Неустроев решил возобновить попытки склонить немцев к капитуляции. На этот раз он послал парламентера в сопровождении немца, сдавшегося в плен. Немцы не стреляли, но капитулировать отказались.

Наступил рассвет. Неустроев взвесил создавшееся положение. Его батальон занимал верхние этажи здания, красное знамя развевалось над рейхстагом, но немцы все еще держались в подвалах. Судя по всему, их там было много. Положение осложнялось тем, что батальон был отрезан от основных сил полка и дивизии. Надо было во что бы то ни стало удержаться до тех пор, пока в здание рейхстага не прорвутся остальные подразделения.

Немцы стали наглеть. Теперь они кричали нашим бойцам:

— Не мы, а вы должны сложить оружие! Вас несколько десятков, а нас больше тысячи...

В ответ на эти выкрики Неустроев скомандовал:

— К бою!

В подвалы полетели гранаты. Борьба разгорелась с новой силой. Немцы начали контратаковать, вылезая из подземелья. Им удалось пробраться в левую половину зала и на балкон. Оттуда опять полетели гранаты. В довершение всего немцы подожгли мебель в левой стороне зала, рассчитывая огнем и дымом выкурить наших бойцов.

Неустроев приказал перерезать пути сообщения между немцами, проникшими на второй этаж, и теми, которые сидели в подвалах. Этот приказ был точно выполнен. Те-

перь немцы, прорвавшиеся на балкон, оказались в ловушке и стали жертвой собственного коварного замысла: пожар разгорался, он охватил балкон, и немцы, находившиеся там, обрушились вместе с перекрытием.

Огонь и дым мешали дышать. Наши бойцы вынуждены были отойти в комнату, расположенную ближе к выходу из рейхстага. Немцы стали еще яростнее бить из подвалов. В эту критическую минуту связной, с риском для жизни пробравшийся в здание рейхстага, доставил приказ Неустроеву:

— Если держаться невозможно, то выходите из рейхстага и займите его вновь после пожара.

Неустроев посовещался с офицерами и принял решение: держаться, из рейхстага не уходить!

Капитану Ярунову показалась подозрительной одна стена; он стукнул в нее прикладом автомата. Она вдруг провалилась, и бойцы увидели лестницу, ведущую вверх. Ярунов с группой бойцов немедленно устремился вверх, чтобы открыть огонь по немцам оттуда, а старший сержант Свянов вновь блокировал выходы из подвалов.

Шесть часов длился этот труднейший бой. Наступал вечер 1 Мая. Кругом шла легкая перестрелка. Вот и она стихла. Тишину первомайского вечера нарушал лишь треск углей. Изредка с грохотом и гулом в залах падала обвалившаяся штукатурка. Пожар в левой стороне зала начал угасать.

Бойцы и офицеры батальона находились в необыкновенном напряжении. Все занимали свои боевые места, настороженно выжидая, что будет дальше. И вдруг, когда уже стемнело, в рейхстаг пробралась группа наших бойцов, доставившая батальону Неустроева праздничный ужин.

За двое суток бойцы и офицеры батальона впервые поели. Запасливые связные сумели доставить даже по чарке водки, и участники трудного боя провозгласили тост в честь праздника, который им пришлось отмечать в такой необычайной обстановке.

После ужина командир батальона решил предпринять еще одну, последнюю попытку склонить немцев к капитуляции. Бойцы начали кричать:

— Сдавайтесь, все равно ведь добьем!

Из подвала вышли немецкий офицер и солдат.

— Выделите вашего представителя, — сказал немецкий офицер. — Мы пойдем к коменданту для переговоров.

К немецкому коменданту были направлены старший сержант Свянов и двое бойцов. В сопровождении немецкого офицера они вышли из здания рейхстага, прошли через площадь к Бранденбургским воротам и скрылись. Бойцы и офицеры ждали своих товарищей до рассвета. Они волновались за их судьбу. Только под утро парламентеры вернулись в сопровождении немецкого обер-лейтенанта.

— Мы сдаваться не будем, — сказал обер-лейтенант.

— Не будете сдаваться — будем штурмовать, — сказал командир батальона.

И в 7 часов утра 2 мая бойцы начали штурм подвалов. Бой начался яростно, но на этот раз воли к сопротивлению немцам хватило не надолго. После первой же ошеломляющей атаки наших бойцов немцы выбросили белый флаг. Из подвалов хлынули наверх эсэсовцы. Они поднимали руки. Вышло из подземелья более 700 немецких солдат и офицеров, а внизу осталось еще около 500 раненых...

Когда мы подошли к зданию, на первом этаже еще что-то горело. Огонь пробивался в помещение второго этажа. А в канцелярии за круглыми столами сидели офицеры и бойцы легендарного батальона. Шла мирная беседа. Люди говорили об окончании войны, писали письма на родину, с гордостью выводя обратный адрес: «Берлин Рейхстаг».

XI. Берлин сдается в плен

3 мая

И вот над Берлином тишина. Внезапная, резкая тишина после бурных осадных дней и неумолчной артиллерийской пальбы. Только изредка грохнет залп — это приходится добивать немногочисленные группы эсэсовцев, отказывающиеся сдаться в плен.

Словно прекратилось землетрясение, город перестал содрогаться и гудеть. Теперь можно проехать по Берлину из конца в конец совершенно беспрепятственно и не спеша разглядеть город. Многих улиц не стало, и машины про-

кладывают дороги вновь, взбираясь на кирпичные бугры и спускаясь с них.

Сотни лет Берлин стоял крепкой и мрачной твердыней в центре Европы, нагоняя на некоторых своих соседей страх и смятение. Здесь никогда не переставал стучать воинственный барабан, и люди с оловянными глазами из года в год бряцали оружием на площадях города и горланили разбойничьи песни. Здесь зародилась и окрепла лжетеория человеконенавистничества. Здесь был центр злоумышлений, отсюда потекли мутные потоки варварства, затопившие пол-Европы.

Долго стоял этот город в своей вековой закоснелости, громадный, тяжелый, мрачный. И вот теперь этот город-зверь укрощен...

Как же свершился последний, заключительный акт падения Берлина?

Уже 30 апреля битва за Берлин достигла предельного напряжения. Наши бронированные клинья вонзились глубоко в центр немецкой столицы. В городе бушевал неутихающий артиллерийский ураган. Штурм последних немецких очагов сопротивления длился всю ночь на 1 Мая. Сопротивление немцев начало слабеть. То там, то здесь немцы сдавались в плен довольно большими группами.

И вот на участке части, которой командовал полковник Смолин, вдруг был замечен немецкий автомобиль, над которым развевался большой белый флаг. Огонь был прекращен. Из автомашины вышел немецкий офицер, который заявил, что генерал Кребс, назначенный на-днях начальником германского генерального штаба, изъявляет готовность прибыть в расположение советских войск, чтобы договориться о капитуляции берлинского гарнизона.

Немецкому парламентеру было сообщено, что генерал Кребс может прибыть. Вскоре начальник германского генерального штаба был принят генерал-полковником Чуйковым. Кребс заявил:

— Я уполномочен известить советское командование и через него советское правительство, что вчера, 30 апреля, германский фюрер Адольф Гитлер добровольно покинул этот свет. Своим преемником в завещании Гитлер оставил гросс-адмирала Деница, а руководителем нового правительства Германии назначил доктора Геббельса. Я имею честь быть представителем этого нового правительства и явился к вам с личным поручением Геббельса.

Кребс заявил далее, что новое германское правительство и высшее военное командование считают бесполезным дальнейшее сопротивление в Берлине и просят советское командование объявить перемирие на сутки, чтобы сформулировать условия капитуляции и выяснить, как отнесется советское правительство и правительства союзников к новому германскому правительству.

Генерал-полковник Чуйков ответил:

— Советское правительство не может и не будет вести какие-либо переговоры с любым фашистским правительством Германии. Никакого перемирия советское командование объявлять не будет и вырабатывать условия капитуляции остатков берлинского гарнизона не желает. Дальнейшее ваше сопротивление бессмысленно и приведет к полному истреблению ваших солдат и офицеров. Поэтому советское командование предлагает вам отдать приказ о немедленной, полной и безоговорочной капитуляции остатков немецкого гарнизона в Берлине.

Начальник германского генерального штаба вновь и вновь пытался убедить генерал-полковника Чуйкова в необходимости отложить решение вопроса о капитуляции и заключить перемирие, но советский военачальник, действующий согласно инструкции маршала Жукова, был непреклонен. Тогда Кребс попросил разрешить ему отбыть к Геббельсу для доклада о советском ответе. Он спросил, нельзя ли установить телефонную связь с немецким штабом обороны Берлина. Обе просьбы Кребса были удовлетворены.

Начальника немецкого генерального штаба проводили до линии фронта представители советского командования. Затем в его машину уселся наш связист с телефонным аппаратом и катушками провода. Прошло немного времени, и в нашем штабе прозвучал телефонный звонок:

— Говорит штаб обороны Берлина. Генерал Кребс сделал доклад Геббельсу и просит снова его принять.

Наше командование дало согласие вторично принять начальника германского генерального штаба. На этот раз Кребс еще более назойливо пытался выговорить отсрочку капитуляции. Он заявил о своем согласии на капитуляцию, но просил советское правительство и советское командование... признать новое правительство Германии и оставить в его распоряжении ту крохотную часть Берлина, которая еще оставалась в руках немецких войск.

— Поймите, — говорил он, — мы не можем остаться без территории. Наше правительство без территории будет похоже на польское правительство в Лондоне. Это же смешно и невозможно.

Кребсу был дан категорический ответ:

— Ни о каком вашем правительстве не может быть и речи. Вы должны немедленно и безоговорочно капитулировать.

Тогда Кребс снова попросил разрешить ему отбыть в штаб обороны Берлина для того, чтобы доложить о ходе переговоров и проконсультироваться. Теперь уже было совершенно очевидно, что единственной целью этих долгих переговоров было стремление как можно дольше затянуть капитуляцию. Поэтому, отпуская Кребса к Геббельсу, его предупредили:

— Если вы не отдадите немедленно приказа о полной капитуляции остатков немецкого гарнизона, мы начнем последний штурм.

И на этот раз Кребса сопровождали наши офицеры. Подъехав к боевому охранению, они отдали распоряжение пропустить Кребса дальше. Но как только машина начальника германского генерального штаба скрылась за поворотом, немцы открыли огонь, метя в офицеров, провожавших Кребса. Майор Белоусов был смертельно ранен в голову. Он упал на землю. На помощь к нему бросились бойцы и офицеры. Он сказал:

— Вот гады... Никогда не верьте им...

Перестрелка разгорелась. Генерал Кребс так и не дал ответа на советское требование. И тогда был отдан приказ об общем штурме. На центр Берлина был обрушен удар еще небывалой силы; только на одном километре фронта в районе Унтер-ден-Линден наши артиллеристы сосредоточили более 500 орудий. После могучей артиллерийской подготовки наши бойцы начали штурм.

В разгаре сражения линию фронта пересек немецкий генерал. Подняв руки вверх, он сказал:

— Капитуляция!

Генерала доставили в штаб полка, и здесь выяснилось, что это Вейдлинг, начальник немецкого гарнизона Берлина. Его тут же доставили в штаб генерала Чуйкова. Он заявил здесь, что Геббельс и генерал Кребс покончили с собой.

— А я и мои войска готовы капитулировать, — заключил он.

Здесь же, в штабе генерал-полковника Чуйкова, он продиктовал приказ по войскам берлинского гарнизона, в котором говорилось:

«Солдаты, офицеры, генералы!

30 апреля фюрер покончил с собой, предоставив нас, давших ему присягу, самим себе.

Вы думаете, что, согласно приказу фюрера, все еще должны сражаться за Берлин, несмотря на то, что недостаток тяжелого оружия, боеприпасов и общее положение делают дальнейшую борьбу бессмысленной.

Каждый час нашей борьбы увеличивает ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых. Каждый, кто гибнет сейчас за Берлин, приносит напрасную жертву.

Поэтому в согласии с Верховным командованием советских войск я призываю вас немедленно прекратить сопротивление.

Вейдлинг — генерал артиллерии и командующий обороной Берлина.
2 мая 1945 г.».

И вот Берлин увидел, как его гарнизон складывает оружие и сдается в плен. По улицам, ведущим от центра, потекли тысячные колонны немецких солдат и офицеров во главе с командирами частей. Из своих подземелий вышли берлинцы. Запрудив тротуары, они угрюмо глядели на то, как берлинский гарнизон идет сдаваться в плен.

Наш «виллис», ловко лавируя между танками и пушками, пробирался к правительственным кварталам. Кое-где среди развалин еще слышались выстрелы — то одиночки снайперы и гранатометчики упрямо продолжали сопротивляться, не зная о капитуляции. К таким очагам сопротивления подъезжали наши крытые автомашины с радиорупорами, и дикторы, заглушая гул стрельбы, передавали немецким солдатам и офицерам приказ генерала Вейдлинга.

...Мы в штабе одного из наших корпусов. Мимо полуразрушенных домов, в которых он разместился, несков-

чаемой вереницей тянутся колонны сдавшихся в плен немцев. Они растерянно глядят на улицы, площади и парки, заполненные нашими танками и пушками. Изголодавшаяся в подвалах берлинская знать вылезла из подземелий аристократических кварталов. Точно оводы, набрасываются немецкие аристократы на трупы убитых лошадей и обдирают их: через несколько минут остаются только скелеты.

Среди наших бойцов и офицеров царит небывалое воодушевление, которое трудно описать. Всюду возникают митинги. С брони танков прочитывается приказ товарища Сталина. На Вильгельмштрассе, пробираясь к имперской канцелярии Гитлера, мы встретились с бойцами, которые сегодня первыми увидели капитулирующий Берлин: делегацию немецкого командования. А вот и подвал дома, в котором немцы сказали: «Мы капитулируем»...

Под домом темный коридор. Двери комнат открыты. Трехэтажные нары, рассыпанные патроны: здесь была казарма. В одной из комнат подземелья простой стол, кровать, зеркало, телефон. Это наш командный пункт.

Командиру дивизии, полковнику, звонят из полков, докладывая о продвижении. Охрипшим, усталым голосом он отдает приказание — остановиться и оттянуться назад: район рейхстага приказано занять соседним частям, а полки этой дивизии оккупируют прилегающий район.

Полковник рассказывает, как слагает оружие берлинский гарнизон. И на этот раз не обошлось без провокаций эсэсовцев. Большая колонна немецких солдат выстроилась, сложила оружие и пошла по Вильгельмштрассе на сборный пункт военнопленных. В этот момент из окон одного дома по колонне открыл стрельбу немецкий пулеметчик. Немцы рассыпались и потом пробрались на пункт сбора среди руин, прячась за грудами кирпича и щебня.

Раздается звонок. Гвардии подполковник Казаков сообщает о занятии помещения министерства авиации. Другие офицеры заняли еще несколько министерств и берут много пленных. Офицеры сообщают, что до самых последних часов немцы оказывали яростное сопротивление на подступах к правительственным кварталам. Они вели бешеный огонь из окон домов, чердаков, из подвалов, из тоннелей метро. И только тогда, когда наши части нане-

сли удар немцам с флангов, они дрогнули и начали отходить.

Полковник звонит в один из полков и просит подобрать в каком-нибудь министерстве новое помещение для командного пункта. Из полков сообщают, что в министерствах не сохранилось ни одного помещения. Уцелели лишь подвалы. Решено разместить командный пункт дивизии в одном из таких подвалов.

Через четверть часа, обходя огромные ямы, образованные взрывом неглубокого тоннеля метро, мы проникаем к знаменитым Бранденбургским воротам. Огромная колоннада увенчана позеленевшими конями. Эти ворота — символ немецкого милитаризма. Сейчас они выглядят весьма уныло: кони побиты осколками, между колоннами — бревна, камни, песок. В них сделаны амбразуры для пулеметов. Четыре колонны из шести разбиты снарядами.

У арки небывалое оживление — мимо проходят колонны пленных. Немецкие танки и пушки, переданные гитлеровцами нашим частям, смешались с советскими. На Фридрихштрассе, которая хорошо видна отсюда, еще горят дома.

Над зданием рейхстага развевается большое яркое знамя победы и над железными статуями псов-рыцарей — предков гитлеровских разбойников — полощется еще несколько красных флагов. В рейхстаге еще не погасли пожары. Окна его замурованы. Стены избиты пулями и снарядами. Середина дворца разрушена и дымится.

Центральные кварталы Берлина выглядят сейчас, как домики, слепленные из песка и потом растоптанные, — здания развалились, рассыпались, расползлись до основания. Глянешь вверх — зубчатые гребни стен, глянешь вниз — глубокие ямы, мешанина кирпича, горелого железа, машин, убитых лошадей и немцев. Здесь расплата за все — за руины Сталинграда, за пепел Смоленска, за развалины Севастополя и Ковентри, Варшавы и Белграда...

Вот пресловутая Аллея побед, широкая асфальтированная лента перед рейхстагом в парке Тиргартен. Здесь фашисты разыгрывали свои маскарадные парады под бой барабанов и вой труб.

Теперь по Аллее побед ходят наши красноармейцы. Среди статуй стоят наши пушки. Вокруг позоло-



Бранденбургские ворота. Здесь, под бой барабанов и вой труб, маршировали разбойники, возомнившие себя покорителями мира.

ченной статуи Победы, вознесшейся ввысь на высокой колонне, стоят наши танки. По воле судьбы лавровый венок, который держит в руке статуя Победы, осеняет башни грозных советских машин.

Сейчас, в эти первые часы после боя, хочется снова и снова говорить о людях, которые завоевали победу. Кто они? Вот двое из тысяч: артиллеристы гвардии старший сержант Петр Басаргин и гвардии старший сержант Алексей Калганов, командиры орудий. Штурм Берлина они по сути дела начали далеко отсюда, за тысячи километров. Один освобождал Орел, второй стоял насмерть на рубеже Воронежа. Оба прошли нелегкий путь. Им знакомы и запах собственной крови и горечь слез: они потеряли близких сердцу людей. И вот они достигли предместий Берлина, ворвались в кварталы города, и их пушки были одними из первых, обрушивших снаряды на германскую столицу.

Противник бросил против них восемь самоходных орудий типа «Фердинанд», несколько танков и пехоту. Немцы контратаковали с трех улиц. Танки гремели по мостовым, палили из пушек, приближаясь вплотную к огневым позициям Петра Басаргина и Алексея Калганова. Пехотного прикрытия не было. Орудийные расчеты приняли бой и начали отбивать контратаки. Впрочем, все это — сухие слова, фиксирующие лишь внешние поступки людей.

Но вот так, попросту, представим себе: перекресток, никуда не скроешься, а огромная стальная лавина танков неумолимо движется, прет на тебя с ревом и огнем. Кажется, что весь этот вражеский город обрушится на тебя и раздавит под своими обломками. Но надо стоять! И люди стояли. Они отбили одну контратаку, потом вторую. Выбыли из строя двое артиллеристов. Потом последовала третья контратака. Собрав последние капли сил и всю свою волю, трижды раненный Басаргин заряжает пушку, окропляя снаряды своей кровью, стреляет и отбивает четвертую контратаку. Горят на улице танки, валяются убитые немцы, уползают раненые... Но вот к нашим гвардейцам подоспела помощь. Пушки продвигают ближе к центру города, Басаргин и Калганов, раненные, идут вместе со всеми, зная, что идти необходимо, — Берлин!

...Запомним же день 2 мая, — он начался тусклым, угрюмым утром; над городом висели тучи, перемешанные с дымом, и шел мелкий унылый дождь. И первый раз за всю войну гвардии старший сержант Басаргин увидел идущих на него с оружием немецких солдат и не стрелял в них Он стоял возле своей пушки, широко расставив ноги, и с нескрываемым презрением пропускал немцев мимо себя, глядя на них прищуренным глазом. А немцы все выползали из нор, как крысы, и шли в своих зеленых шинелях длинными вереницами, колоннами — офицеры впереди, рядовые сзади. Они складывали свое оружие в штабеля и уходили дальше на сборные пункты.

Немцы идут на сборные пункты, угрюмые и злые. А наши бойцы обнимаются на улицах и поздравляют друг друга: победа! Они играют на гармошках и поют: победа! Они бреются прямо на улицах, среди обожженных камней, смеются, приглашают друг друга в гости после войны: победа! Нет большего счастья, чем ощущение справедливой, добытой в труднейших сражениях победы!



Колонна Победы—символ поверженного в прах немецкого империализма.

XII. Когда наступила тишина

4 мая

Берлин приобретает мирный вид. Бои ведутся далеко за его пределами. Вчера войска фронта, выйдя на реку Эльба, юго-восточнее города Виттенберге, соединились с союзными американскими войсками. Часы фашистской Германии сочтены. Это понимает каждый немец.

Берлинцы покорны. По указанию советской комендатуры они разбирают завалы и баррикады, расчищают и подметают улицы, выбрасывают из домов битую штукатурку и кирпичи. Многие из них протягивают руки: просят у проходящих по улицам наших бойцов кусок хлеба либо табаку на закурку. Из подземелий Берлина вылезают на свет новые тысячи жителей. Они возвращаются по домам. В разбитых, обгоревших кварталах начинает теплиться жизнь. Но немало жителей находят на месте своих квартир развалины, и тогда ночной холод гонит их снова в подвалы. Все они теперь клянут Гитлера.

Сегодня днем на трамвайных путях Франкфуртерштрассе мы встретили группу рабочих. Человек двенадцать стариков шли вдоль рельсов. Один из них записывал что-то, и все шли дальше. Это были берлинские трамвайщики. Старик Ганс Вагер отмечал повреждение путей и проводов, записывал, что нужно сделать, чтобы подготовить трамвай к пуску. Мы разговорились. Трамвайщики попросили закурить и сказали, что пришло время начинать работать. Каждый из них проработал на трамвае по 20—30 лет и сейчас их поражают чудовищные разрушения линий и проводов.

Они быстро начинают говорить. Один из них еще в прошлую мировую войну был в плену в России. Он рассказывает, что Геббельс уверял жителей Берлина в том, что русские «степные орды» не будут щадить ни стариков, ни женщин, ни детей, что русские идут истреблять германский народ. Но вот русские вступили в город; оказалось, что все эти разговоры — дикий бред.

Берлинцы приступают к работе, начинают восстанавливать предприятия, приводить в порядок улицы и площади. В районе правительственных кварталов мы были в тот момент, когда толпа немцев разбирала бар-



У советского коменданта района Вайсензее.

рикаду, возведенную между колоннами Бранденбургских ворот.

На малолитражке к перекрестку Унтер-ден-Линден и Вильгельмштрассе подъехали наши регулировщицы. Они осмотрели перекресток, и одна из них, вынув из машины флажки, заступила на вахту, гордая и счастливая тем, что такой важный пост доверен ей. Сзади — Бранденбургские ворота, справа — рейхстаг, канцелярия Гитлера и сгоревшие посольские здания. К ней обращаются офицеры, и она, посмотрев на схему, указывает им нужные здания, улицы и направления.

Кто она, эта русская девушка, занявшая пост в самом центре столицы Германии? Это Валя Беспалова — сталинградская работница с тракторного завода. Когда три года назад немцы прорвались к Сталинграду, она оста-



Первый автобус на улице Берлина.

вила станок на заводе, ушла защищать город. И вот дошла Беспалова от родного Сталинграда до укрощенного Берлина!

Деловито поясняет она офицерам, как будто всю жизнь прожила в этом городе:

— Это отель Адлон. Здесь дипломаты творили свои темные дела. Дальше банковский дом. А это — гитлеровская хата.

Серое здание «гитлеровской хаты» — рейхсканцелярии, стоящее на Вильгельмштрассе, более или менее сохранилось. Между колонн у входа валяется огромный серый орел, держащий в когтях свастику. Ступени ведут к тяжелым распахнутым дверям. Они засыпаны железны-

ми крестами: вход в здание эсэсовцы забаррикадировали ящиками, набитыми... немецкими орденами.

В первой огромной комнате валяются толстые знамена с огромной свастикой, которые вывешивались на флагштоках над дворцом. Здесь же, на полу, бронзовый бюст Гитлера с простреленной головой и аляповатые портреты бесславного фюрера.

У входа в рейхсканцелярию валяется сбитый с фасада орел со свастикой.



В разрушенном гнезде фашизма тихо. Разбитые потолки, стены, кучи мусора на полу и слои пыли. Все говорит о том, что задолго до последних событий канцелярия была переведена отсюда в другое место. Провожатый показывает нам комнату за комнатой. Вот зал заседаний. Он пуст, в нем слои пыли. На постаменте стоит модель электропоезда. Гардеробная. Пустые гардеробы, огромная карта Германии валяется на полу.

Лестница из орехового дерева ведет наверх. Кругом битая штукатурка. Наверху — масса фанеры. Здесь была столярная мастерская, видно не успевавшая заделывать повреждения во дворце. Внизу, в крыле дворца, сохранились комнаты наградного управления. Здесь также рассыпаны коробки с железными крестами. За этими комнатами — колонный зал. Мрамор на колоннах сохранился. Провожатый говорит, что здесь Гитлер принимал офицеров и награждал их.

— За этим залом, — рассказывает он, — была квартира фюрера.

Авиабомба угодила прямо в квартиру, и от нее остались только груды щебня и битого камня.

— А это — кабинет Гитлера, — говорит провожатый, вводя нас в соседнюю комнату.

Огромнейший зал. Справа вдоль стены против окон стоят в беспорядке разносортные дешевые кресла, притащенные сюда, по всей вероятности, со стороны. Одной стены нет. Уцелели только бра для освещения. В комнате огромный глобус, принадлежавший Гитлеру. Около глобуса стояли наши танкисты — подполковник, капитан и боец. Они с любопытством рассматривали его.

Мы познакомились. Оказывается, подполковник Тимошенко, капитан Галыгин и боец москвич Кестер сражались за этот самый квартал, в котором находился дворец Гитлера.

— Вот, — указал на глобус подполковник, — хотел весь мир завоевать!.. — Подполковник взобрался на стул, похлопал по макушке шара и закончил: — А теперь мы в его собственном доме хозяева...

Танкисты показали нам щит телефонной станции. На нем еще горело много лампочек.

— Я хотел выключить щит, — сказал подполковник, —



Что осталось от кабинета Гитлера.

но побоялся — не к минам ли идут провода? Вызвал минеров, пусть разберутся...

В маленькой комнате в шкафу валяются огромные именные папки министров. Идя на заседание к Гитлеру, каждый министр брал свою папку.

Мы спускаемся в парк. С этой стороны дворец сильно побит. Перед кабинетом фюрера землю накрывает огромная в метр толщины бетонная плита. Видимо, она закрывала от бомбежек подземное убежище. Под окном авиабомба пробила крышу подземелья фюрера. Внизу хорошо видны бронированные ходы сообщения, большой мотор с вентилятором, кафельные баки с техническим маслом...

Парк дворца изрыт бомбами и снарядами. По нему точно промчался ураган, все разметав и переломав. Кругом воронки. Валяются вздутые, убитые коровы, неведомо как забредшие сюда...

Мы выходим на площадь.

На улицах появляется все больше и больше жителей. Женщины катают коляски с детьми, хозяева магазинов приводят в порядок витрины. Над некоторыми заводскими трубами уже вьется дым...

XIII. Капитуляция Германии

8 мая

Когда капитулировал берлинский гарнизон, всем стало ясно, что пришел конец не только германской столице, но и всей гитлеровской Германии. Разбитая, деморализованная, лишенная баз для сопротивления, германская армия агонизировала. И все в Берлине ждали, что вот-вот придет развязка.

Событие, которое войдет в историю, как величайшее торжество справедливости, событие, которого все мы ждали так страстно на протяжении всей войны, произошло сегодня, 8 мая: в Берлине подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Ранним утром десятки автомобилей промчались тихими улицами к центральному берлинскому аэродрому Темпельгоф. Когда-то к этому воздушному вокзалу тянулись линии, соединявшие Германию со всеми столицами Европы. Отсюда улетали немецкие пилоты в коммерческие рейсы, тайно готовясь и примериваясь к будущим бомбовым ударам по этим самым столицам. Здесь круглые сутки не умолкал гул моторов. Но теперь на аэродроме было тихо, так же тихо, как и в самом сраженном Берлине.

Ангары были полуразрушены. На поле валялись разбитые воздушные транспорты, искалеченные немецкие истребители, еще были свежи следы заделки воронок от авиабомб. На границах пустынного поля стояли наши, советские истребители. Они сели здесь, когда в городе еще шел бой. Истребители участвовали в боях за Берлин. Сегодня звенья машин с красными звездами на крыльях выстроены для последнего военного полета.

На аэродром прибыло подразделение бойцов в касках: это почетный караул для встречи делегации союзников. Приехали генералы, старшие офицеры. Колыхались на ветру флаги Объединенных наций.

И вот истребители поднялись в дымную высь. Они ушли навстречу самолетам союзников: с аэродрома в городе Штендаль поднялись пять «Дугласов», взявших курс на восток. В 14 часов на аэродром прибыли генерал армии Соколовский, комендант Берлина генерал-полковник Герой Советского Союза Берзарин, генерал-полковник авиации Герой Советского Союза Руденко.

Вскоре первый серебристый «Дуглас» коснулся летного поля Темпельгофа. За ним приземлились остальные самолеты.

На поле, покрытом цветущими одуванчиками, сошли глава делегации Верховного командования экспедиционных сил союзников главный маршал авиации сэр Артур В. Теддер, генерал Карл Спаатс, адмирал сэр Гарольд Бэрроу, английские и американские офицеры, представители иностранной печати, кинорепортеры. Прибывает французская делегация во главе с генералом Делатр де-Тассиньи.

Генерал армии Соколовский приветствовал гостей. Оркестр исполнил гимны. Гости поздоровались с почетным караулом, и наши бойцы, молодцевато чеканя шаг, прошли перед ними.

В эту минуту на другом самолете прибыли представители гитлеровского командования во главе с генерал-фельдмаршалом Кейтелем. Они прошли стороной к предназначенным им машинам. Впереди брел Кейтель, за ним генерал-адмирал фон-Фридебург, генерал-полковник Штумпф и другие. Посматривая искоса на почетный караул, проходивший маршем перед делегацией союзного командования, немецкие генералы подошли к машинам и ждали там, пока закончится встреча союзников.

Главный маршал авиации сэр Артур Теддер произнес короткую приветственную речь перед микрофоном. Раскатилось могучее «ура». И вот уже машины устремились по разбитым улицам Берлина в пригород Карлсхорст, где должно было состояться подписание акта о капитуляции германских вооруженных сил. Полуразрушенное, обгорелое здание рейхстага осталось в стороне. Путь вел через весь город. Немцы, стоявшие на тротуарах, покачивали головами, видя в машинах своих генералов, которые еще недавно кичливо принимали здесь парады, а сейчас ехали под охраной в Карлсхорст, чтобы подписать там акт о



Маршал Советского Союза Г. К. Жуков Главный маршал британской авиации сэр Артур Теддер и заместитель народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинский на историческом заседании в Карлсхорсте. Здесь был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии.

капитуляции. Главный маршал авиации сэр Артур Теддер и его спутники с интересом оглядывались по сторонам, рассматривая результаты многомесячных бомбардировок, произведенных англо-американскими летчиками, и результаты работы советской авиации и артиллерии.

Наконец машины въехали в тихие улицы района Карлсхорст. Они свернули на улицу, ведущую к бывшему немецкому военно-инженерному училищу,, в помещении которого должно было состояться подписание акта. Немецким генералам отвели отдельный дом, в котором они должны были ждать вызова.

Через сорок минут после приезда руководитель делегации союзного командования Главный маршал авиации сэр Артур Теддер нанес визит Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову. Он передал ему привет и поздравление

от Верховного командующего экспедиционными силами союзников Эйзенхауэра и преподнес в знак дружбы знамя вооруженных сил союзников. Вслед за этим главнокомандующий французской армией генерал Делатр де-Тассиньи, в свою очередь, поздравил с победой маршала Жукова и передал ему привет от лица французского народа. Беседа маршала Жукова с руководителями делегации союзного командования продолжалась 40 минут.



Представитель главного немецкого командования Кейтель подписывает акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Когда все приготовления были закончены, участники церемонии подписания акта собрались в помещении военно-инженерного училища. В большом зале училища стояли три стола вдоль стен и один стол поперек. Под потолком ярко сияли люстры. Здесь собралось много генералов и старших офицеров. Повсюду шли оживленные беседы на всех языках союзных народов. Люди были преисполнены ожиданием исторической минуты. И вот она настала...

Дверь зала открывается. Входят Маршал Советского Союза Жуков, Главный маршал британской авиации сэр Артур Теддер, Командующий стратегическими воздушными силами США генерал Спаатс, адмирал сэр Гарольд Берроу, генерал Делатр де-Тассиньи, члены советской, американской, английской и французской делегаций. Вспыхивают юпитеры, стрекочут киноаппараты, фиксируя исторические минуты. За особым столом — представители советской и союзной прессы.

Маршал Жуков спокоен, сосредоточен. Он, а затем Теддер объявляют по-русски и по-английски, что уполномоченные германского верховного командования

пришли для принятия условий безоговорочной капитуляции.

— Пригласите сюда представителей германского верховного командования, — приказывает маршал Жуков дежурному офицеру.

Дежурный офицер открывает двери зала. На пороге появляются представители поверженной Германии. Генерал-фельдмаршал Кейтель входит, пытаясь сохранить достоинство. Он выбрасывает перед собою в знак приветствия свой фельдмаршальский жезл, тут же опускает его и, вскинув голову, садится за небольшим столиком. На лице его горят лихорадочные пятна. Вслед за ним занимают свои места остальные представители обанкротившегося верховного командования гитлеровской армии. Они при орденах, в полной парадной форме, но выглядят сейчас жалко.

Маршал Жуков и Главный маршал авиации Теддер сидят под флагами четырех союзных наций — СССР, Америки, Англии и Франции. Когда немецкие генералы заняли свои места, им объявляют:

— Сейчас предстоит подписание акта о безоговорочной капитуляции.

Переводчики переводят эти слова на немецкий язык. Немцы как-то сразу осунулись. Они переглянулись, замерли. Кейтель произносит:

— Да, да... капитуляция.

Немцев спрашивают, имеют ли они полномочия для подписания акта о капитуляции. Кейтель предъявляет документ, подписанный гросс-адмиралом Деницем, уполномочивающим его подписать акт.

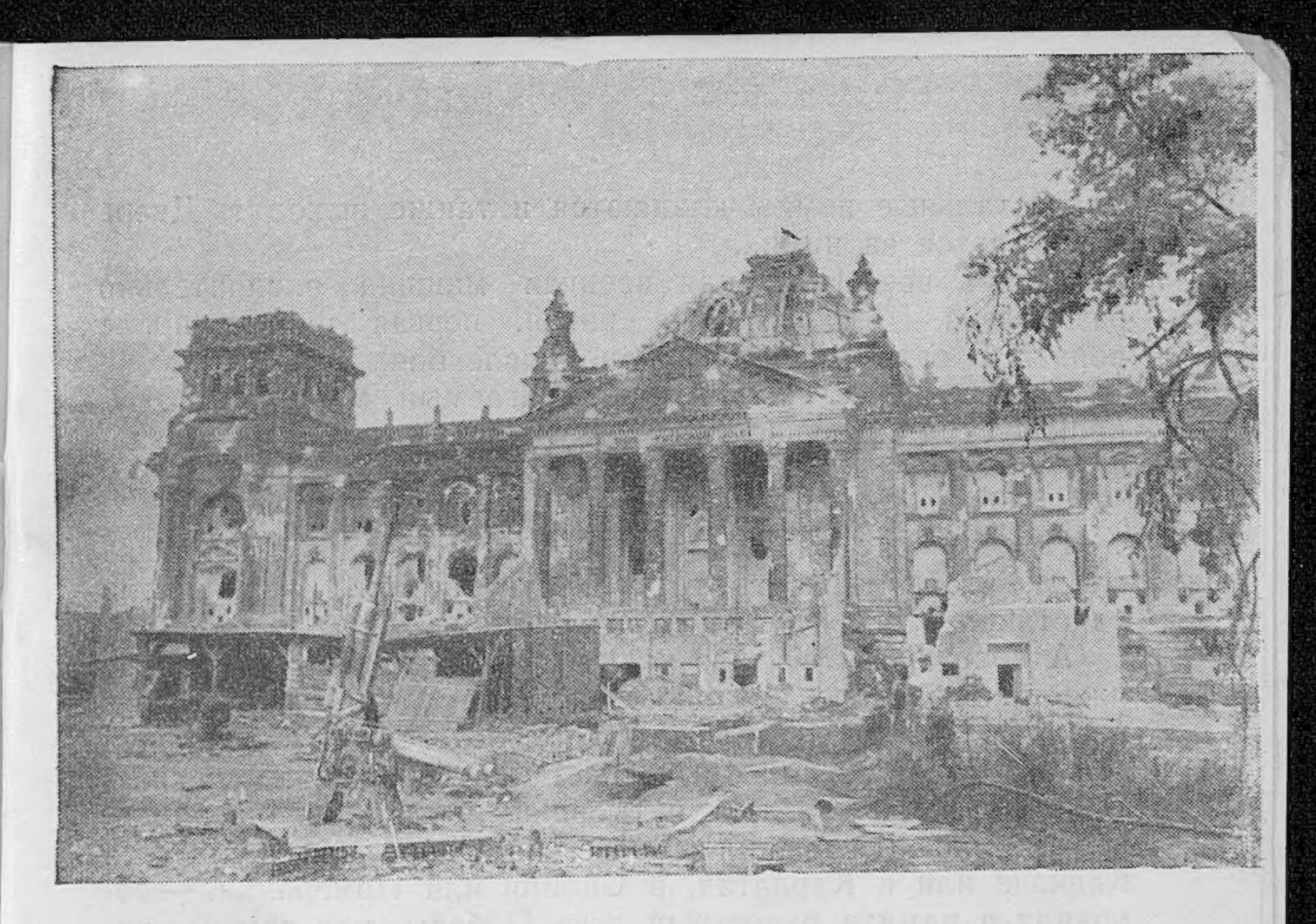
— Имеют ли члены немецкой делегации на руках акт капитуляции, знакомы ли они с ним, согласны ли они его подписать?

— Да, согласны, — говорит Кейтель.

Пытаясь ускорить тягостную для него церемонию подписания акта о капитуляции, Кейтель торопливо раскрывает папку с документами и вынимает перо. Маршал Жуков останавливает его.

— Я предлагаю представителям главного немецкого командования, — четко произносит он, — подойти к этому столу и подписать здесь акт...

Кейтель встает. Волнуясь, он марширует к столу, за которым сидят представители верховного командования



Над поверженным рейхстагом развевается знамя нашей Победы.

союзников, садится за стол, берет ручку. Руки его дрожат. Монокль, который он вставляет в глаз, выскакивает и ударяется о стол. Фельдмаршал снова вставляет монокль. Перед ним раскрывают простую синюю папку с текстом акта о безоговорочной капитуляции.

Кейтель мгновение медлит, но потом, опустив голову, под пристальными взглядами маршала Жукова и его соседей подписывает документ. Затем он встает, осматривается, криво усмехается и идет к своему столику. За ним подписывает акт Фридебург. Этот ведет себя спокойнее. Но третий, Штумпф, совершенно подавлен. Глаза его лихорадочно блестят. Движения вялы. Он робко берет ручку и расписывается.

В зале царит полная тишина. Слышен только стрекот киноаппаратов, фиксирующих исторические мгновения.

— Немецкая делегация может удалиться, — произносит маршал Жуков, вставая с места.

Генерал-фельдмаршал Кейтель, выслушав переводчика, встает, поднимает свой жезл и направляется к выхо-

ду. Остальные немцы кланяются и также выходят. Дверь закрывается за ними...

Теперь все. Немецкая военная машина окончательно раздавлена. Так вот она какая, первая минута после войны! В зале тишина, словно после боя.

Слышно, как скрипнул отодвигаемый маршалом Жуковым стул. Маршал снимает очки и спокойно произносит:

— На этом заседание закончено...

И сразу же тишина обрывается. Но разве найдешь слова, чтобы описать то, что чувствовали, переживали участники этого исторического события?

А волнующая весть о капитуляции Германии, о победе уже понеслась по проводам на родину, в Москву. Через несколько часов эту весть радио разнесет по всей нашей великой стране. И каждый советский человек, прошедший тяжелый четырехлетний путь войны, — где бы он ни находился: на Днепре или Волге, на Одере или Дунае, на Кавказе или в Карпатах, в Сибири или Померании, — сохранит в памяти радостный день Победы, как самый знаменательный день своей жизни.

Цена 3 руб.